

Леван Тодадзе. "Струны вен" (Тбилиси, 2011)

Беседуя с автором дебютного сборника стихов "Струны вен" Леваном Тодадзе, я многое узнал и постараюсь теперь обобщить и выразить некоторые мысли, вытекающие из этого разговора. Начну с короткого чеховского высказывания, относящегося к художественному произведению: "Только то прекрасно, что серьезно".

То, что намерения нашего автора серьезны, - не подлежит никакому сомнению! И, следовательно, надо сказать, они - прекрасны. Действительно, желание написать стих - это очень хорошее и похвальное желание. Умение создать его, то есть воплотить это хорошее и серьезное само по себе желание - еще более похвально. Это умение связано с минутами напряжения и спокойствия или, как выразился автор в разговоре со мной, - с минутами созерцательности и надрыва. Таково душевное состояние поэта, предшествующее и сопровождающее его творчество.

Я хочу, чтобы мы - читатели - знали об этом, когда примемся за чтение книги; чтобы мы ясно представляли эту внутреннюю мастерскую автора, в которой что-то постоянно вспыхивает и гаснет, рождается и умирает; чтобы мы, представляя эту картину стихотворчества, картину, изображающую сотворение стиха, понимали, что автор - это не только фигура, распределяющая части по своим местам, но и некий инструмент, пропускающий эти части и мельчайшие частички через все свое существо, насыщая их собственной кровью. Эти моменты принято называть вдохновением, и каждый из нас, кто - реже, кто - чаще, подпадает под него на том или ином поприще. Но сильнее всех испытывает и выражает их поэт. Поэт, не боящийся потерять собственную душу, а если понимать ее в ветхозаветном значении, то - и кровь. Вдохновение в обыденном смысле часто наделяют какой-то невесомостью и прозрачностью. Это не так. Истинное вдохновение, быть может, в апогее своем и достигает небесных высот, но начало берет в самом что ни есть уплотненном, материальном чувствительном. Такая начальная степень вдохновения отчетливо выражена во

многих стихах обсуждаемого сборника. И это ни в коем случае не порок и не упрек, наоборот, - похвала и преимущество. Заглянуть в себя можно, только погрузившись в истоки грубого материального человеческого бытия. Может, иные протакти тянутся ввысь, как воздушные шары, но не таков наш поэт. Он лишен чопорной надменности. Его не отпугивают люди, которые у других вызывают отвращение. И это личное качество отражено в его стихах.

Но вернемся к поэзии, которая, как сказал мне автор, есть борьба. И я позволю себе уточнить: борьба физического и духовного, а итог ее - поэтическая красота. И вот, если мы - читатели - будем ясно представлять эту борьбу, примем к сведению, что каждая строчка выведена из этой диалектики, то сможем ясно определить расстояние, отдаляющее или сближающее нас с автором, учесть удачные и неудачные места и правильно оценить его поэтические намерения, как серьезные и прекрасные.

Теперь, конечно, необходимо сказать пару слов о самой форме намерения и конечном результате борьбы, о языке. Задать вопрос: какова реализация этого намерения? И сразу же ответить: пока она не близка к поэтической красоте. Для автора важна образность, смысловая многослойность, метафоричность. Отсюда возникает определенная трудность в понимании и смутность некоторых мест, которые не прочтываются так, как задумывались. Иногда автор как будто не расположен работать со словом. Иногда хромает ритмический рисунок. Иногда не хватает связности и цельности. Порой кажется, что стих звучит как бы в одной тональности, без модуляций и разветвления. Но обо всем этом автор знает сам, поэтому, по его собственному признанию, часто бывает собой недоволен. Я думаю, все эти недостатки преодолит. И я искренне желаю ему преодолеть их.

Что касается достоинств, то здесь мы находим немало сильных мест, ярких, очень образных выражений, порывов, страстности. Чего стоит стихотворение "Другим огнем", которое я считаю

одним из лучших в сборнике! Автор часто обращается непосредственно к самому читателю, умело вводя его в круг наших общих (жизненных, социальных, личных) проблем. Все эти достоинства я желаю ему закрепить и развивать в будущем.

Но помимо желания и намерения написать стих, помимо реализации этого намерения, - хорошей ли, плохой, - существует и смысловое поле художественного произведения, которое, на примере нескольких стихотворений, мы сейчас бегло исследуем.

Одно из них - "Керосиновая лампа", где затрагивается проблема "старого" и "нового". Говорится о несправедливом пренебрежительном отношении современного к предшествующему. "Новое" выставляется, как отрицательное явление, искушающее только своей яркостью и масштабом. И констатируется печальный факт, что эти "яркости" и "масштабы" одерживают верх над бывшим, пусть тусклым, но более близким человеческой душе и не ослепляющим глаза, теплым светом. Иными словами, речь идет о противостоянии искусственности и натуральности, где натуральность смиряется с собственным поражением, а искусственность только из жалости не поработает ее до конца, выделяя в своем ярком мире темный угол для ее пребывания. Какая участь ожидает "новое", - автор не отвечает, зато ясно говорит, что "старое" тоже было когда-то новым...

В любовно-лирическом стихотворении "Позволь мне быть твоим" больше всего привлекает внимание место, где влюбленный просит возлюбленную позволения быть ее поэтом. В этом желании уже скрывается его судьба, фатальность. То есть, желание, воспринимаемое, как неминуемое - уже есть некая поэтичность, пусть и далекая от высокой поэзии. Иначе говоря: в начальной строфе "позволь мне быть..." уже заложено "навек я стал...". Это и есть "нежный рок", который влюбленный принимает, как неизбежное. Это пресуществление желания, по крайней мере, любовного: когда остается оболочка, но меняется суть. Становление возможно как акту-

альность предвечного бытия. Таков философский смысл и парадоксальный, даже сакральный вывод из этого фрагмента.

Стихотворение "Времени бег" - это мрачный, безрадостный гимн Времени, которое верховенствует над всем: над чувствами, моралью, даже над судьбой. Время - как все приостанавливающее действие. Звучит необычно и тоже парадоксально, но именно в таком виде оно вырисовывается поэтом. Хотя, здесь возможно разночтение. Не совсем понятно, способен ли человек, хотя бы в последний момент жизни, все-таки отстоять свою духовную сущность "с последним псалмом убежав от судьбы", - от судьбы быть поглощенным временем, или оно все же опустошает и духовное существование, подчиняя его судьбе, - своей прислунице?

Все эти мысли повторяются и в некоторых других стихотворениях, дополняя их деталями. Настроение поэта часто пессимистично, протупает подавленность, иногда чрезмерная, переносящая читателя в какой-то ущербный мир. Но характерна для него и дерзость, рождающаяся из надежды на лучшее. И, конечно же, встречаются вполне светлые лучи и жизнеутверждающие особенности в его поэзии.

Разговаривая с Леваном, я больше всего хотел спросить, в чем основная идея его стихотворений? Ведь, если снова обратиться к Чехову, мы узнаем, что "художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль". Но я умышленно не спрашивал. Пусть каждый, кто возьмется за его книгу, сам ответит на этот вопрос. Для этого достаточно знать, что поэзия - это часть нас самих, часть нашей повседневной жизни... но и отрыв от нее. Разобраться в творчестве автора, приучить себя к этому, должны мы сами, - поиском ответов внутри себя. Таково мнение начинающего поэта, и я с ним солидарен. По-другому доказать любовь к искусству, к исторически великим и знаменитым художественным произведениям, на мой взгляд, затруднительно. Автору сборника "Струны вен" это известно, и в осуществление связи с любимыми поэтами - Есениным и Мандельштамом - он уверенно занимается творчеством.

Николай ЛОМИДЗЕ

Леван ПОДАДЗЕ

Немое кино

В доме холодно, мрачно и зыбко.
Тишина, и ужасно сквозит.
Не отмытая чашка прилипнет,
Пульс играет приевшийся бит.

На плите сковородка и чайник,
За окном черно-белый декабрь.
И мороз пожимает плечами,
Завернув этот город в снега.

Я один. Здесь уныло и тошно,
Мои легкие травит гашиш.
Прикоснуться к тебе невозможно,
Но я слышу, о чем ты молчишь...

И напльно сухими слезами
Эти строки, бросая в окно,
Я часами смотрю в эти рамы,
А за ними - некое кино.

* * *

Огни на улицах горели,
Шагали следом за звездой.
Мосты столетние висели,
Мосты висели над Курой.

Манили мягким "Мухамбазом",
Как будто нежный поцелуй,
Что лаской вырвал первый раз я,
Вновь повторится над рекой.

Поджарист воздух, город дремлет,
Склонилась ночь перед крестом
И, помолившись святой деве,
Укрылась тихим, добрым сном.

А одинокие качели
Со скрипом резали покой.
Мосты столетние висели,
Мосты висели над Курой.

Израиль

Всего на миг закрой глаза,
Вдохни истории спирали.
Пускай чужие эти дали,
Но столь родные небеса.

Здесь силу потерял Самсон,
И Голиаф с Давидом бился.
Стена, с которой ты простился,-
Дворец, где правил Соломон.

Не торопись, мой друг, постой,
Я объясню тебе причины.
Кривые сабли сарацинов
С храмовниками вались в бой.

Страна легенд и трех церквей,
Страна стенаний и печали.

Они ведь чаще всех страдали,
Народ - мудрейший из людей.

Здесь вечно чья-то лилась кровь.
Земля пропитана гвоздями,
С венком терновым над глазами
Распяли на кресте Любовь.

Скитались сорок лет в пустыне
Мечты обетованной тверди.
Из лагерей проклятой смерти
Спаслись немногие живыми.

Но, как всегда, сдавив обиду,
С любовью в жизнь неутолимой
Восстал народ Иерусалима
Лазурным символом Давида.

Никогда я не вернусь

Желтым пламенем сгорая,
Уходил за горизонт,
Не стучался в двери рая,
Не искал спокойный порт.

Наполнял я ветром алым
Золотые паруса.
Волны белой пеной звали,
Синь лизала мне глаза.

Длинным шлейфом,
вдаль тянулся
За приталенный закат.
Никогда не возвращусь я
В зазеркальный маскарад.

И сгорю с рассветом ранним,
С небесами заодно.
Голубого моря пламя
Жадно тянет свет на дно.

Вифлеемскими тропами

Медный воск затаился над мифом.
Грудь мою наполняет фитиль.
Ты готов к испытанию тифом?
Поглощать только вязкую пыль.

На закланье несут одиночество,
Неуютно писать на листе
О грехах, покалеченных
творчеством,
Но пароли висят на кресте.

Умолять не загнуться от холода,
Опадуть серым пеплом на твердь.
Мы привыкли к толченому голоду,
Но страшит одинокая смерть.
Пусть привяжут застывшими
стропами

К черной пряди агатовых бус.
И ведет Вифлеемскими тропами
Темной ночью младенец Иисус.

Рыжий листопад

Ивовая россыпь.
Падающий лист.
Приносил нам осень
Ветра тихий свист.

Молодость, свобода,
Первые шаги.
Отшумели годы,
Позабылись дни.

Падает так звонко
Рыжий листопад.
Рыжая девчонка
Увела мой взгляд.

Весело, игриво,
Легкостью пера
Мой покой навеки
В плен она взяла.

И в лучах пропала
Тлеющих лампад,
А в закате рыжем
Пляшет листопад.

И теперь все чаще
В памяти моей
Рыжая девчонка,
Взгляд её очей.

* * *

И останется девять престолов,
Девять царств на глубинах легенд,
Девять дней, девять строгих канонов,
Девять ангелов, дарящих свет.

И псалмы в девяти синагогах
Девять раз прозвучат под звездой.
Девять снов посвящали мы Богу,
Отмечали девятой луной.

Девять строк на застывшие ноты....

Осень в Имерети

Имерети бархат снится,
Вяжет войлок небо в синь.
К свету жадно тянет листья
Ароматом пьяный тмин.

И покорно наклонились
Ветви тяжестью плодов.
Осень желтая спустилась
К изголовью городов.

Журавлиный клин стремится
Поскорей попасть на юг,

Урожаем твердь сочится
И торопит сотни рук -

Наполняют "сацнахели"
Виноградную лозой,
Песнь грузинскую запели,
Чащи полнятся слезой,

Благородным словом льются
Освященные тосты.
Этот хлеб и эти лица
Пред иконами чисты.

Неизбежно

Неизбежно, но совсем не про то я,
Не про то, что подумала ты.
Нас лукаво приветствуют стоя,
Вдалеке от забытой судьбы.

Неизбежно мечтать, но бояться,
Неизбежно любить, но страдать.
Я могу до конца проиграться.
Но безумно люблю рисковать.

Я рожден на серебряном поле,
Рыжим ветром воспитан и сух,
Мне свобода ласкала просторы
И в боях закаляла мой дух.

Неизбежно порой ошибаться,
Камнем падая с кованых скал,
Дерзким взглядом судьбе
улыбаться,
Обнажая кровавый оскал.

О чем скрипят несмазанные двери

О чем скрипят несмазанные двери?
Стерев копыта, кони смотрят вдали.
Твоим слезам столица не поверит.
С годами приживется и печаль.

Уйдет и вера сквозь живые дыры,
Затянет холод магистрали вен.
Нас убивают в собственных
квартирах,
Снимая мерки с пожелтевших стен.

Теперь и мусор в электронном виде,
А свет страшит покрепче,
чем война.

И на руинах золотой Колхиды
Несмазанная вновь скрипит страна.

Кутаисские мотивы

Скалы, горы, мостовые,
Глыбы - белые цветы,
Памятники, как живые,
На камнях растут стихи.
И Рион в журчанье пьяном
Навевает теплым сном

Благо старого Баграта
Терпкой кровью, как вином.

Как молитвы в чаше полной,
Тамада прольет тосты,
Этот город весь застольный,
На цепях висят мосты.

Сверху синь лизнет просторы
Хрупких облаков эфир
Рассыпается на горы,
На Гелатский монастырь.

Отчий дом стоит, склонившись,
Постарел былой гигант
И ссутулился, как нищий,
Поседевший истукан.

Но еще из ветхих окон
Льются песни родником,
Этот город сердцем соткан,
Будто Золотым Руном.

Кавказ

Немой Кавказ уже не мой,
Упрется даль в немые склоны.
Меня забросило судьбой
В чужое Северное лоно.

Немой Кавказ туманом смят,
Отрывок позабытой прозы.
Мне полюбилися новый сад -
Где солнце нежится в березах.

Немой Кавказ угрюм и строг,
Седой старик, сомкнувший брови.
А я спешил, как только мог,
На родину, поближе к криви.

Немой Кавказ теперь не мой...
И за мою любовь к березам
Застынет сердце за чертой,
А в душу протекают слезы.

ГОСТЬ**Мариян ШЕЙХОВА**

Мариян Шейхова родилась в Дагестане, в селе Убра. Окончила филологический и юридический факультеты Дагестанского государственного университета. Кандидат педагогических наук. Автор поэтических книг "Ангелы во крови" (2006), "Наедине с морем" (2009), "Диалоги с Данте" (2010), "Ангел на кончике кисти" (2011), сборника публицистических и литературно-критических статей "Испытание свободой" (2009). Лауреат премии имени Р.Гамзатова, дипломант конкурса Януша Корчака, победитель международного литературного конкурса "Золотая строфа-2010", номинант премии А.Сахарова "За журналистику как поступок" и т.д. Публиковалась в "Литературной газете", журналах "Дружба народов", "Сибирские огни", "Дарьял", "Бег" и др. Профессор кафедры русского языка и литературы. Зам. министра образования и науки РД. Член Союза российских писателей, Союза журналистов РФ.

ПИРОСМАНИ. ЛЕВ И СОЛНЦЕ

Брат небесный, ночью поздней начинаю свой восход,
Саблей белой, саблей грозной вспыхнет черный небосвод,
Мощь отбрасывает тени, поступь царская легка,
Твердь вращается ареной, за спиной - изгиб клинка.
Брат небесный, брат тревожный! Лавой смертного огня
Льется день неосторожно, блещет светом янтаря.

Кисть пылает, обжигает - жар струится по руке,
Медь расплавленная тает и горит в литом броске,
Вдох огня и выдох Солнца, Лев, играющий в ночи,
С мощью собственной бьется, твердь земную горячит.

Брат небесный, в чистом поле кружит темень до утра,
Рыком львиным рвется воля, страсти верная сестра.
Золотым руном Медеи мир плывет над бездной дня,
Юный век огнем пьянеет, зрелый - отблеском огня.
В чистом поле нет обмана - в темень прячутся леса,
Ночь облизывает раны, львом прикинется лиса.

Мрак густеет, тяжелеет, ищет всполохи костра,
В сотах мед упрямо зреет, боль в ночи, как луч, остра.
Вздох огня и выдох Солнца, Лев, горящее дитя,
С мощью собственной бьется в бронзе рыжего литья.

Брат небесный! Свет не спрятать - как щитом, укрою ночь,
За деревьями охотник страсть не сможет превозмочь.
На колени для прицела - так смиряют дух и плоть,
Сходит сердце ниже, ниже, чтобы солнце расколоть.
Хлынет алым цвет заката и откроет небеса,
Тенью царственного брата зажигает хвост лиса.

Кисть пылает, обжигает...
Медь расплавленная тает...
Зов огня и вызов Солнца,
Лев - дитя в ночи смеется...

ПИРОСМАНИ. ЧЕРНЫЙ ЛЕВ

Под кроной ореховых листьев ныряет обманчивый свет,
Чей ангел на кончике кисти взлетает над горечью бед?
Мир прост, как цветение сада; пригублена будет до дна
И юная боль винограда, и алая старость вина.

Я черному льву отворяю высокое небо вдали,
Отворяю,
Семь небес ожидают его над багровым прощаньем земли,
Ожидают,
Жаркой кистью хвоста покоряет он мир,
Покоряет,
Отчего же он смотрит с наивной печалью
И снова прощает?

Свет струится, горит и мерцает, взбегает над повестью лет,
Желтая осень, праздник в Болниси, поле крестьянское - свет.
Мир прост, как рождение лани, как свадьба былых времен,
Как сладкая кисть винограда, как горькая песня о нем.
Я черному льву отворяю высокое небо вдали,
Отворяю,
Семь небес ожидают его над багровым прощаньем земли,
Ожидают,

Жаркой кистью хвоста покоряет он мир,
Покоряет,
Отчего же он смотрит с наивной печалью
И снова прощает?..

ПРАЗДНИК СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Какой холодной белизной ночь измеряет жажду духа...
Разбитой вдребезги казной цвет утешает бедность слуха.
Святой Георгий, в дом без кровли прими смирение овец,
Рука с хлыстом и рог воловий - пастух, гонец или отец?

Белый к белому идет,
Тайна к небу кротко льнет,
Бричка с матушкой моей
Свадьбы сельской веселей.
На соседней крыше в белом
За столом она сидела,
Там по-прежнему невесты
Стерегут пустое место,
Мальчик в белом за спиной -
Не гадайте: мой, не мой...
У стены по лестнице
Пустота невестится

Какой продрогшей желтизной день укрывает память тела,
В руинах воздух нарезной, в глазницах - зУбчатая стела.
Святой Георгий, в чистом поле поднимет руки мой отец,
Разбойник то ли, воин то ли - над ним поклонится, как жрец

Черный к черному идет,
Черный белого убьет,
Кони будут в стороне
Грезить в желтой пелене.
За холмами ищет пес
Теплый след овечьих грез,
Белый конь и черный конь
Греют отчую ладонь.
Здесь погасла, там зажглась
Света призрачная вязь.
Белый храм, колокола,
День и ночь, как два крыла...

Какая алая печаль в застольном роге расплескалась!
Коль недопитое не жаль, то переполненное - малость.
Святой Георгий, в дальнем поле трава нескошена, чиста,
Моя ли боль, твоя ли радость - сиянье белого листа?..

ПИР ВСЕЛЕНСКИЙ

Медно-желтая земля трубным звуком в бой зовет -
Эркемали*, оглянись.
Цепь хозяина крепка, рог крутой по небу бьет -
Пой, Тифлис.
Бой баранов - пир вселенский, зуд в подпильных рогах,
Откормили, опоили - барабаны выбьют страх

На лугу овечка бродит,
За собой ягненка водит,
Первой травкой машет высь:
Эркемали, оглянись

Черный глаз барана ярче
Алой удали толпы,
(Эркемали, отзовись!)
Бьются лбы, теснятся рьяно
В дикой ярости молябы,
(Эркемали, сторонись!)
На арене - бой баранов, бьет хозяин чужака,
Цепь свободна для удара, кровь темней у жоака.

На лугу овечек в белом
Ночь упрятать не сумела.
У потехи - долгий час,
Время прячет красный глаз.
Спят пасхальные ягнята,
Ночь раскаяньем объята.
Бой баранов - гнет рогов,
Ночь и утро - кровь и кров,
Кров и кровь,
Старь и новь...

*Эркемали - трехлеток, бойцовый баран

ШАМИРЪ СА СВЕГО КАРАУЛОМЪ

Горы снегом заковала хищной удалью клинка
Рука.
В клочья небо разорвали, в реки сбросив облака-
Века.
Взмах кинжала - пропасть в черном, кручи- каменным
кольцом-
Гром.
Саблей горы рисовали, скалы высекли резцом -
Дом.

Две мечети с минаретом, полумесяцем -петля, трое в
черном, в несогретом, в белом - тайна Шамиля, борода,
папах - чернью, тенью - ружья за спиной, над обрывом
потемневшим караул стоит стеной. Там, поодаль, смутно
тают крыши сакли, чтоб аул в тайной думе ожиданий над
печалью снов вздохнул. Миг раздумий в черно-белом, над
обрывом ждет имам, горы тонут в белом-белом, свет
струится по горам. Лошадь движется по кругу, ждет приказа
тишина. Жест короткий и упругий - черным двинулась война.

Тенью лица штриховали, шрамы вывели свинцом,
Камнем тени провожали, свет хранили чабрецом.
Небо - в белом, землю - в белом нарисуй опять, Нико,
Миг раздумий будет белым, как парное молоко.

Из-под белой перевязки каплет красная петля, к сапогам, от
крови вязким, черной данью льнет земля, спи, могучий,
белый витязь, воин, горец, спи, солдат, белым саваном
прощанья дни прощенья летят, обними, ушедший, память-
нерожденное дитя, чтобы винной каплей славить долю
скорбного питья.

ОН ТОЛЬКО ВО СНЕ ЗОЛОТИСТЫЙ

Он только во сне золотистый - три птицы кружатся над ним,
Трава изумрудным батистом скользит,
словно сказочный грим.

Мой тезка, Жираф цветоносный,
Весь в пчелах, в занозистых осах -
Он только во сне золотистый - три птицы кружатся над ним.

А явь колыхалась травой и синью небес растеклась,
Волнистой, как воздух, тропую, забытой, как кроткая бязь.
Мой тезка, Жираф черно-белый,
Пятнисто-напуганным телом
Серпами зрачков оробело

Навстречу шагнул корабельно,
А явь колыхнулась травой и синью небес растеклась.

А черное - было, и белое есть, и солнце мне больше
не снится,
Послал мне художник далекую весть, простую, как платье
из ситца,

И грация зверя качнулась углом,
И быть ему явью, и быть ему сном,
В изгибе хвоста улыбался питон,
И шейная боль обвивала винтом,
И в яблоке глаза дрожащий затон
Округло роняет ресничный бутон...

Нет у ответа вопросов. Здравствуй, Жираф золотистый,
Бархат спины пятнистой тронет рука моя - пристань
Яви и сна
Кисти.

ПИРОСМАНИ. ДА ЗДРАВСТВУИТЕ ХЕБА СОЛНАГО ЧЕЛОВЕКА

Да здравствует хлебосольный человек!
На скатерти его ожиданий
Соль вырастает до солнца.
Лучи погружаются в пену
Туманных волнений утра.
Кланяюсь новому дню.

Махаробели, махаробели
Овцы с травинкой во рту оробели.
Алая лента, на черном- трава.

Да здравствует хлебосольный человек!
Олень на кончике взгляда
Испариной чует утро.
По обе стороны двери
Зияет белая скатерть.
В поклоне немеют уста.

Махаробели*, махаробели,
Сердце овечки бьется форелью.
Ручка кувшина тепла.

Здравствуй, хлебосольный человек!
Солонка на скатерти белой
Последнее слово знает.
Сына встречай и помни:
Вкус поменяют вИна.
Кланяйся новому дню.

Махаробели, махаробели
Землю веселым напитком согрели.
Просят ладони хлеба.

Сладко ли быть травой
И растилаясь в вечность
Встретиться с саблей ветра?
Чашей бездонного блюда
Небо дождинки кормит.
Ах, как хлеба всходили...

Махаробели, махаробели
Горы под тяжестью снега осели,
Махаробели...

*Махаробели - (груз.) вестник радости

МИМО БЕЛОГО ДУХАНА

Мимо белого духана мчатся кони, как во сне,
Вечер в небе полыхает, словно ягода в вине,

И деревья озорные гнутся гибко, как лоза,
У кутил усы шальные и суровые глаза.

О чем сплет им Маргарита, взлетая в белом над землей?
Что не случилось - то забыто, что было - хлынуло волной.
Прими блаженство неземное поляной белых роз к ногам,
Рисую красками, как жизнью, чтоб возвратить ее богам.

Блики желтого скольженья, взлет над зеленью холма,
Черным высится возница, в тень упрятаны дома.
У кутил серьезны лица - сердце держат на замке,
Руки вскинет Маргарита, словно птица, в кабаке.

О чем поет им Маргарита? Бровь полумесяцем летит,
Земля букетами укрыта, а кисть ласкает и горит...
Прощай, неведомый художник, луна взметнулась нотой "си",
Шарманщик, горести виновник, у песни слова не проси.

... Мимо белого духана мчатся кони, как во сне,
Бредят руки кистью белой, красной плачут о вине...
Мрак подвала, пол холодный, груда битых кирпичей,
Вздых последний... крошку хлеба... никому... никто... ничей....

Янтарный шарик на запястье, и в стайке желтых птиц - лицо,
У белых роз - права на счастье, у невозможности - кольцо.
Не пой о прошлом, Маргарита, в ладони пряча лепестки,
Душа прощению открыта, но нет спасенья от тоски...

ЧЕТЫРЕ ЛИЛИИ НА ЧЕРНОМ

Четыре лилии на черном, на белом - женская рука,
Над бурой пашней дышит паром усталость спящего быка.
Спят ортачальские мадонны, и оголенных плеч тепло
Ягненком белым на колени вздремнувшей ночи прилегло.

Птица желтая в бубен бьет,
Осень сотая мед нальет.
Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.

В мускатных гроздьях винограда тучнее жертвенно река,
Алеет винный язычок над горловиной бурдюка,
И скагерть таинством травы легла под тени песнопений,
Лучи закатные запнулись о белоснежные колени.

Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное,
Дрогнет ночь от птиц
На плече моем,
Будем крылья шить
Мы с тобой вдвоем.

Прощаю - белым, красным - плачу, а желтым - рушатся века.
Четыре лилии на черном... Какая в зрелище тоска...
На небе - только небо в белом, на черном - почва и цветы,
И день доверчиво глядится в полет звенящей темноты

Птица желтая утро пьет,
Осень верная хмель нальет,
Дрогнет ночь от слов -
День расступится,
Я сорву покров -
Свет потупится.
Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.

Я В ТРИ ЦВЕТА ЛЮБЛЮ

Дай клеенку, тифлиский духанщик, - разбитая скрипка
За окном уплывает мой век, запряженный верблюжьей ^{смешна,}
печалью.
Я в три цвета люблю и в три песни скучаю, княжна,
В ожиданьи холстов над слонами из охры дичаю.

Ах, духанщик с усами лихими, зачем тебе лвы?
За порогом толпятся овечки в ожидании рук торопливых,
А орнамент белеет на пальцах, а пальцы нежнее халвы, -
О, простите, княжна, живописцев голодных и льстивых...

Черной костью пишу и зеленой землей, серой пылью
от неба укроюсь.
Рог ветвистый на вывеске блекнет, а лаваш истончился,
как нож.
У духанщика щепки в горсти - я со временем, пери,
не ссорюсь,
И в три цвета кричу, да в три песни молчу,
чтоб продать свое солнце за грош

Я в застоле попал на века, виноград в Мирзаани янтарен.
Продавец моих дров над жирафом смеется - я рад.
Уплывает олень, князь поет над пирами развалин,
И пасхальный ягненок оплачет щедроты утрат.

О, простите мой дым.. этот старый мангал.. о, Нино,
Твои печи полны благодатного жара и тени...
Разве хлеб выпекают еще? .. Разве льется вино?..
Разве есть еще миг, чтобы плакать в чужие колени...

ПРОЩАНИЕ СОЛНЕМ

Прохладу белого с синим ловит зигзаг коромысла,
Солнце распишет лучами сорванный с неба день.
Нет в оперении тайны, в тени нет спящего смысла,
Шею земных желаний к водам склоняет олень .

Снова кормилица в белом
Держит кулич пасхальный,
Вырос ягненок спелым
И уронил дыханье

Копья охоты безглазой гриву травы догоняют,
Замер на линии слуха в небо летящий тур,
Лани недремлющим ухом русло реки укоряют,
Мальчик взмахнет хворостиной, желтым заплачет чонгур*.

Руку ищи на сердце,
Белым земля ответит.
Мальчик откроет дверцу,
Всадника встретят дети

Выбежит пес навстречу, мальчик откроет калитку,
Черный пунктир дороги листает ржавчину сур.
Смотрит олень удивленно, как уплывает рыбка,
Млечным путем уходит в звездное поле тур.

Снова женщина в белом
Вскинет над полем руки,
Станет младенец телом,
Чтобы уйти от разлуки

*Чонгур- струнный музыкальный инструмент

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛОГО ОЛЕНЯ

Щекой к щеке два персика на блюде, разгульный рог по кругу
брызжет алым -
Я готов тебя пить, кахетинское солнце, плыви!
Освежающий дождь из зеленого лука, редиска - как связка
кораллов,
И ликующий свет виноградных напевов в крови

Вазияни, Мукузани, Цинандали,
Гурджаани, Мелаани, Мирзаани
А-я-я,
А-я-я,
оооооо
Бродит в марани* вино.

Чуреки полумесяцем на блюде, плывет хоралом рог,
 искрятся рыбы,
 Кахетинские реки прольются в застолье дождем.
 На ореховых листьях мацони, сулгуни, унаби* -
 Вновь Саркиз наливает вино над победным, как охра,
 жнивьем

Молочник, жестянщик и дворник,
 Крестьянин, духанщик и шорник-
 А-я-я,
 А-я-я,
 ооо
 Лучший кутила - кинто*.

Баранина, припудренная перцем, под барбарисом
 празднично дымится,
 Щечокет ноздри воздух песнопений, мастеровые знают
 ремесло.
 Назначим встречу на земле - плывут подносы вереницей,
 В твои владения, художник, нас дивной кистью занесло.

Сапожник, угольщик, возница,
 Маляр, лудильщик и певица -
 А-я-я,
 А-я-я
 ооо
 сытым не ходит никто.

* * *

Пирамида сыров в помидорной осаде, как столетье, грозит
 распадом,
 В кахетинские травы осенние листья летят.
 Светлый угол в подвале сниму, а пока разделю солнце с
 братом,
 Над щекастой тоской зурначей опьяненные птицы кружат

У лисицы - нора и у птицы - гнездо,
 У козули - родник, у Тифлиса - Нико.
 Грациозно верблюды бубенцами звенят,
 Мясники на майдане обнимают ягнят.
 Истекает бурдюк хлебосольем и форель в серебре
 нежно тонет,

Кукурузной лепешкой луна заглянула в чужое окно.
 Маляра не искали, батоно? Солнце сходит в пустые ладони,
 Чтобы черное небо печали превратить в золотое руно

Онемели уста и глаза широко распахнулись,
 Над вершинами гор на прогулку выходит Олень.
 Донна Анна права - пусть всегда возвращается Улисс,
 Ибо к ночи на встречу спускается день,
 Ибо белым хранит трава одолень,
 Ибо сходятся руки за тостом в кругу,
 Ибо белое утро в ночи стерегу,
 Ибо озеро спит на росистой траве,
 Ибо песня моя о тебе, о тебе...

*Марани - (груз.) - винохранилище

*Унаби - плод наподобие фиников

*Кинто- бродячий торговец, балагур, остряк

ВЫСТУПЛЕНИЕ Нико Пиросмани на заседании Общества художников Тбилиси 1916г

Братья!
 Построим дом деревянный,
 в сердце города - дом без затей.
 В нем большой самовар - от веселия пьяный
 и счастливый от новых гостей -
 на столе будет жаром дышать, горячиться,
 а вокруг - лишь друзья, лишь любимые лица.
 Пусть за чаем горячим поведает каждый,
 как от красок вокруг обезумел однажды.

Об искусстве вести разговоры - услада...
 Не о том говорю? ..
 Простите...
 ...
 Кому это надо?
 .. Да, да...
 Пропустите,
 братья...

НАШ ДВОР В ТБИЛИСИ

На улице Коте Месхи 10 живет Сергей Параджанов.
 Мы пойдем к нему завтра,
 а сегодня меня ждет наш двор на проспекте Агмашенебели.
 Первый раз я поселилась в этом дворе в 75 году,
 с тех пор каждый год я появляюсь в проеме арки дома

номер сто
 и детский крик "Эльвира приехала!" звучит раньше, чем я
 выйду из ее тени.

Распахиваются все окна, выходящие во двор,
 и из них раздаются приветственные голоса:

-Хоча (молодец), что приехала!

Русские, армяне, грузины, курды, греки, осетины-
 пиршество моей души...

Стоит мне заболеть,
 хозяйка Альвина кричит с балкона:
 "Кето! Эльвире плохо!"

Дворовый ангел-хранитель Кето опробует на мне
 лучшие в мире лекарства.

Маня с первого этажа - специалист по давлению.
 Она молится за меня, когда я в Кодорском ущелье или Чечне.

"Эрна! Как тебе не стыдно! Эльвира второй день болеет,
 А ты ее не навестила. Мне стыдно за наш двор!" -

это Лия, главный судья двора,
 звонит соседке-армянке.

На этаже напротив живет богатый сосед Эгир.
 Ну и что, что он богатый? Он ведь наш сосед
 и он любит всех.

Когда Эгиру прострелили ногу, весь двор не спал.

- Гурик! - это возвращается Тамрико-
 передай всем, контролер "свет" идет.

Если счетчики готовы, пусть откроют

* * *

Сегодня мы всем двором идем к Сергею Параджанову.

Фальшивые украшения все лихорадочно снимают-
 насмешки хороши, когда шутишь сам.

Сергей обязательно подойдет к Инне и поднимет волосы-
 уши должны быть открыты.

Цвет одежды и прически обсуждаем всем двором.

Банщики, зеленщики, актеры, зэки, режиссеры- все дома,
 А Сергей?

Мы в опере.

- За что люблю Эльвиру? - философствует Сергей-
 ей запросто можно всучить узбекскую подделку под
 старинное грузинское серебро.

И это чистая правда.

-Хочешь я покажу тебе коллажное полотно?

Тонино Гуэра хочет увезти его в бар Феллини. -

Он зажигает факел из старых газет

и мы спускаемся в подвал.

Я визжу о восторога:

густая тбилисская ночь, тлеющий факел,

Сергей, рассказывающий очередную байку,

и полотно, от которого щемит в горле.

- Ты смотри, они говорят, что из искры возгорится пламя.

Ни черта оно не горит.

Факел свернут из газеты "Правда".

ПРОЗА

Заза ДАТИШВИЛИ

Родился 22 июля 1951 г. По профессии врач. Женат. Учился и долгое время работал в России. Автор нескольких десятков рассказов, финалист литературного конкурса - "Пенмарфон-2007" и "Пенмарфон-2010"; премиант благотворительного фонда патриарха всея Грузии в 2008 г. Живет в Грузии, г. Телави.

Издания: Сборник рассказов "Cheese Party" - /"Diogene".Тбилиси/, 2009 г. , "Случайные встречи" роман /"Siesta". Тбилиси/, 2010. Несколько рассказов опубликовано в русской периодике.

Автор также рисует. Участник многих виртуальных и презентативных выставок.

ГРАФ МОНТЕ КРУЗО

Второго такого мастера не знала улица. Да что улица, - поселок! А может, и весь район. В мире много написано о мастерах-самоучках. Их было великое множество: от Левши - до Стефенсона, от Эдисона - до Кулибина... Поэтому описывать способности моего соседа не буду: ограничусь тем, что Ботик, как его звали обычно, в две минуты исправил бензиновую помпу, которая полгода валялась без дела, чтобы потушить пожар, возникший в нашем сарае,

Этот пожар стоит того, чтобы о нем отдельно рассказать: все началось с одного прекрасного утра. Закончив ненавистное бритье, я с удовольствием рассматривал гладкую, молодую кожу, мечтая, чтобы щетина больше не росла, и эта приятная гладкость оставалась вечно. Затянувшись напоследок подпольной сигаретой, по-привычке выстрелил окурки в открытое окно ванны и поехал на учебу. Этот окурки и стал причиной последующих событий. Оказывается, он приземлился на толевую крышу сарая, тлел себе потихонечку, и к обеду вспыхнул, грозя спалить весь дом. Так бы и случилось, если б огонь не заметил машинист тепловоза, проезжавший в ста метрах от дома. Машинист стал сигналить, пока соседи не вышли узнать - что же случилось. На наше счастье вышел и Ботик, вмиг решив проблему пожара.

Приехавший с работы отец долго смотрел на сгоревший сарай.

- Как, почему это случилось... - качал головой, сокрушаясь.

- Гореть в этом сарае было нечему... Неужели подожгли?! Неужели есть у меня недоброжелатели?..

- Бывает, Виссарионыч, - успокаивал Ботик. - Искра может, какая пошла... Может, статика... Но почему с крыши все началось, сам не пойму... День ясный, ни грозы, ни облачка...

Так бы и осталась причина неразгаданной, но видя - как расстроен отец, я не выдержал и рассказал - кто поджигатель.

Отец обрадовался.

- Слава богу! - восклицал то и дело, нервно хлопая Ботика.

- Слава богу! Нет, значит, у меня недругов!

- Вот тебе на! - бурчал Ботик. - Культурный парень, в институте учишься, книг тоннами читаешь, столько всего знаешь, как профессор, а того не знаешь, что на толь окурки не бросают...

- Я больше не буду, - отозвался дежурно.

- Да уж... - надулся отец, - очень уважишь, если не продолжишь... Тоже мне, брандмейстер...

Я видел, на самом деле отец был не зол.

- А за курение отдельно воздастся, - добавил он, поглядывая недобро.

- Я ему сигарет не даю, Виссарионыч, - немедленно выдал себя Ботик...

Все кончилось магарычем на нашем обширном балконе... И дело о курении было списано, учитывая серьезность главного происшествия.

...Ботик любил меня. Он помнил мое рождение, мои первые шаги и первые шалости, первый фингал, первый стакан вина и первую поросль на угрюмом лице.

Я его тоже любил. За смекалку, за доброту, за тихий нрав и способность прощать. Это сочетание наивности и пылкости, дотошности и любознательности, искренности и преданности делало Ботика уникальным человеком. Я не ощущал разницы в возрасте, но "Ботиком" никогда не звал.

Случай с пожаром слегка пошатнул доверие Ботика ко мне. Но в целом он меня уважал за начитанность. Впрочем, знаем ли мы, - за что любим близких людей?! Я был обыкновенным оболтусом, позволяя себе всякие выходки.

Например, мог прикинуть расстояние до Ботика, и уронить доску так близко, что он отскакивал в испуге, а потом игриво шугал меня, беря быстрый старт и тут же отстав...

Мне нравилось захаживать к нему. Благо - его небогатый домишко был через дорогу. Не только потому, что можно было стрелкнуть сигарету-другую, но и для того, чтобы получать волны доброжелательности, идущие от него,

наблюдать - как он виртуозно разбирает и чинит всякую всячину, занимать его байками, удивлять своими "обширными" знаниями, а иногда прихвастнуть, а то и приврать для прикола...

- Вчера у одного моего знакомого шофера случилось ЧП, - мог сказать нарочито хмуро, борясь с кашлем от сигаретного дыма.

Он сразу оживлялся.

- Спускался на фуре по перевалу, и... Ботик напрягался.

- И у него разорвало это...

Я никак не мог решить - что же у него разорвало.

- Что? - нетерпеливо спрашивал Ботик, затягиваясь нервно.

- Что разорвало? Не мучай, бичо*!

- Эту... Ступицу!

Для меня "Ступица" была пустым словом. Я понятия не имел - куда она вставляется и откуда всплыла из глубин памяти. Может, от Ботика и слышал. Ботик же представлял бесколесную фуру, стремительно несущуюся в пропасть вместе с обреченным водителем.

- Вах! - вскрикивал он, вскочив. - Вах, какое горе!

Силой ударив в ладони, он обхватывал голову:

- Ступицу! На спуске! Ваимэ**!

Потом он долго мотал головой, еле приходя в себя.

- Кто он был, этот несчастный? - Ботик садился и соболезнающе сжимал плечо.

Мне уже становилось неловко.

- Ничего, успел выпрыгнуть, - счастливо заканчивал историю. - Но весь груз пропал.

- Какой груз?

Если б я сказал, что это было золото Федерального Резерва, он бы и бровью не повел, но я знал свое дело:

- Партия газонокосилок и бензопил, - говорил я нейтрально, зная, что пропажа техники вызовет бурю невероятных страданий, вздохов и хлопаний в ладони.

- Газонокосилки! - Ботик долго сокрушался. - Бензопилы! - Добро-то! Добро-то какое!..

Уроки просвещения были не менее интересны. Иногда я рассказывал содержание прочитанных книг. Ботик обожал слушать всевозможные истории, переживая каждый сюжетный поворот, то и дело встречая смешными вопросами.

- А что, этот горбун...

- Квазимодо, - подсказывал я.

- Да... Квазимеда... Подумал, что у этой, как ее...

- Эсмеральды...

- Ага, - вздыхал Ботик, - у нее откроются глаза на его доброту?!

- Дядя Серго, она любила другого, а его заколол третий, тоже ее любивший, а...

- Погоди, - Ботик нетерпеливо возвращал меня назад. А эта женщина, которая сидела в тюрьме...

- Она - мать Эсмеральды, - объяснял я, чуть раздражаясь, - но они не знают об этом...

- Да ты что! Значит, она думала, что...

После этих историй Ботик долго сидел, покуривая. Потом поворачивался ко мне и хлопал по плечу:

- Учись, сынок, учись. Вон, у тебя отец какой уважаемый. Выучишься, сам станешь таким же.

Иногда, откладывая паяльник, он возвращался в детство:

- Я тоже хотел учиться, - мечтательно смотрел он в даль. - На инженера. Или на моряка... А как учиться, если сестры малые да хозяйство было на мне! - добавлял, как бы извиняясь за необразованность...

- Утром встанешь ни свет ни заря, бежишь, чтобы до работы помотыжить огород, полить, прополоть, корову выгнать в стадо, поросят покормить... Мало ли дел... Потом бежать на Заготзерно - спину гнуть весь день... Я ведь, мил человек, почему и зимой и летом в резиновых ботах ходил, знаешь?

Тут он многозначительно подмигивал, ухмыляясь:

- Потому, что зерно сыпалось в них, пока ходил и транспортеры чинил. Для курочек было как раз... А что? А эти... "Ботик" да "Ботик"...

- Зато вон, - добавлял после паузы, - выучил их, теперь в городе живут. Одна экономист, другая учительница... Я бы и книги читал сам, но как возьмусь, так в сон меня тянет...

- Может, книги были неинтересные?

- Может... Я и не помню - про что они были...

- А какие истории тебе нравятся?

Ботик задумался.

- Ну... Не знаю... Про технику, что ли... Про моряков... Мне та понравилась, про капитана, дети еще искали его...

- А, хочешь книгу про моряка принесу, который незаслуженно попал в тюрьму, а потом сбежал оттуда, разбогател и стал мстить всем недругам?

Ботик оживился.

- Во! - воскликнул довольно. - Неси!..

...Через пять минут он держал в руках "Графа Монте Кристо".

- Нелегкая... - сказал уважительно, прикинув на вес. - Как люди так пишут, а? Вроде не мешки таскать, а поди-ко, -

пиши с утра до ночи... Тоже труд. И запомнить все надо, что с другими случилось...

- Пишут как-то, - дипломатично покивал головой. - За сколько прочитаешь?

- Эту? Недели за две прочту, - заверил он. - Мне спешить некуда, я на пенсии.

- Договорились. Читай, дорогой. Прочитаешь, - принесу другую часть. Тут... - я раскрыл книгу, - и закладка имеется.

- Ты смотри, главное, чтоб не помер он. Уж сильно я переживаю...

Ботик свято верил, что все, описанное в книгах, или происходящее в кино, было реальностью. Мыльные оперы были его страстью. Смотрел он вполглаза, занятый починкой бесконечных машинок, пылесосов и прочей техники, но всегда комментировал:

"А-а, - натужно приговаривал, борясь с непослушной гайкой, - а ты думала, тебе с рук сойдет?", или призывал героя: "Уж говори, что любишь, чего тянешь! Вишь, девка тает!"...

...Прошла не одна неделя, и не две. Я часто заставлял Ботика прикорнувшим на ветхом диване. Рядом неизменно лежал "Граф Монте Кристо". Закладка еле-еле передвинулась вперед, и было видно, что к концу ей не дойти. Но он не сдавался, упорно вгрызаясь в чтиво.

- Вот парень! - восклицал, вспоминая прочитанное. - Моряк! И эта... Девушка, которую любит...

- Мерседес...

- Да... Слушай, а почему имя у ней, как у машины?..

- Это машину назвали в честь имени.

- А-а... А когда его в тюрьму посадят?

- Скоро. С этим у них все в порядке. Скажи честно, тебе нравится? - спрашивал ревниво. - Если не нравится, не давься, верни.

Ботик мялся, вздыхал и ерзал, но божился, что нравится.

- Только длинно все это, - признавался наконец. - Рассказали бы раз-раз, как ты, и все. Чего тянуть-то...

...Идея пришла не сразу. Застав Ботика в очередной раз спящим на диванчике, я пошел домой, поискал нужную книгу и вернулся назад.

Ботик посапывал.

Я взял томик "Графа Монте Кристо", перенес закладку в новую книгу и положил ее на место старой. Прежде, чем уйти, оценил довольной ухмылкой обстановку, стащил сигарету и тихо улизнул...

На следующий день я уехал в молодежный лагерь. Вернувшись через три недели, решил проведать его.

Ботик сидел у рабочего стола и по обыкновению чинил что-то, наблюдая за сериалом. Увидев - обрадовался.

- Скучал без тебя, профессор! - похлопывал по плечу, улыбаясь. - Давай я тебя персиками угощу...

Оставив дымящуюся сигарету, он выскочил куда-то. Улучив момент, я сделал добрую затяжку.

Через минуту Ботик вернулся с персиками в большой зеленой миске.

Я немедленно взял самый крупный.

- Вот... - поглядывал довольным взглядом, как я смачно откусываю. - Сейчас они самые вкусные... Даже мыть их не надо, не опрыскивал ничем... -

В телевизоре бушевали мыльные страсти.

- Я тебе вот что скажу, парень: эта Розалинда еще наломает дров...

- Что ты говоришь! - Я взял второй персик.

- Точно! Стерва еще та. А книгу твою, - знаешь, - всю прочитал...

Я поперхнулся персиком.

- Как... Понравилась?

- Очень понравилась, очень! - начал он прочувственно. - Что скрывать, сначала трудно было читать, но потом... Один, на острове, бедолага... Как он выжил! И пшеницу посеял, и коз развел, и даже друга нашел! И даже вино почти надавил, а! Какой он молодец! Спасибо тебе, генералу. Хорошая книга! И звали его почти по-нашему, - Робинзон!

Он достал с полки книгу и бережно отдал мне.

- Вот, Забирай... И закладка на месте. Только...

- Что? - насторожился я.

- Никак не пойму, куда этот моряк, Эдмон Дантес делся? Посадили его?

*Бичо /груз./ - парень

** Ваиме /груз./ - горе мне

РУДЕ ПРАВО НЕТ...

- Вот... Пишут, что если из Смихов меняться в Скалку, то можно получить дополнительную площадь.

Из кухни доносился шум воды.

- Чапа, ты слышишь?

Ответа не последовало. Пожилая женщина, сидящая в кресле, собралась крикнуть еще раз, но передумала и махнула рукой. Поправив плед, она снова уткнулась в газету, кивая головой - как будто соглашаясь с прочитанным. По телевизору начали передавать новости, и это ее отвлекло. Отложив газету, она сменила очки и прибавила звук.

- Ты звала меня, Бэйби?

Из кухни вышел муж - седой, полноватый мужчина среднего роста, в цветастом переднике.

- Вот и все! - сказал он довольным голосом, вытирая передником засученные по локоть руки, - вся посуда вымыта.

Прихрамывая молодцевато, муж прошел к дивану. Бросив взгляд в сторону экрана, он подсел к жене, неудобно выставив большую ногу.

- Что там, Бэйби?

- Землетрясение.

- Что, опять у нас?

- Нет, в Пакистане.

- А-а...

- Мир с ума сходит, и природа не отстает.

- Да...

- Ты бы снял передник.

- Сниму...

- Вот, пишут, что если из Смихов меняться в Скалку, то можно получить дополнительную площадь.

- Что ты! Меняться в Скалку! Это - как из Праги уехать!

- Видишь ты эту Прагу! За хлебом и обратно!..

- Там ужасные панельные дома! И потом, я здесь привык. Привыкнешь и там.

- А зачем нам дополнительная площадь?

- Как зачем? Матей вернется, и места понадобится больше.

- Он не вернется... - муж вздохнул и нервно расправил передник на коленях. - Ему и в Испании хорошо.

- Но, должен же он вернуться когда-нибудь?

- Когда-нибудь - может...

-...

- Я сделаю потише, Бэйби, не возражаешь?

- Выключи, вообще.

Муж выключил телевизор и с трудом встал.

- Пойду, отнесу это, - он снял передник. - Трость на кухне оставил... Кофе будешь?

- Да, - подумав, ответила жена.

Муж кивнул головой и проковылял на кухню.

- Только сахара не клади много! - крикнула вслед жена, и потянулась за газетой.

Вскоре муж снова появился: он катил тележку с кофе. На тарелке лежало овсяное печенье. Пристроив тележку поудобнее, он взял чашку и бережно вложил ей в руки.

- Осторожно, не пролей...

- Спасибо, дорогой...

- Печенье кончается...

Она молча кивнула и отпила маленький глоток.

Муж хмыкнул и покачал головой:

- Вчера случай рассказали...

- Дай печенья... Кто рассказал?

- Томас... - он потянулся за печеньем.

- Новачек?

- Да, - снова усмехнулся муж. - Сказал, что чистая правда. Оказывается, один интеллигент ежедневно ходил в пивную...

- В какую пивную?

- Ну, какая разница, Бэйби! Допустим, "У золотого тигра". - Ага...

- Заказывал пиво и "Руде право". Через некоторое время приходил официант и ставил пиво.

- А "Руде право"?

- Вот-вот! - А "Руде право"? - спрашивал интеллигент, на что официант отвечал, что сожалеет, но "Руде право" больше не выходит. Тот понимающе кивал и принимался за пиво.

- Не может быть, чтобы "Руде право" не было!

- В том-то и дело, Бэйби! - снова засмеялся муж и поставил чашку.

- Это когда было?

- Раньше, в те годы... До Бархатной революции.

- Не может быть! Тогда "Руде право" выходила миллионными тиражами.

- Понятно, но это был ритуал! - он приложил ладонь к сердцу. - Интеллигент спрашивал пиво и "Руде право", а официант, по старому уговору, должен был сказать, что "Руде право" больше не выходит.

- И что же?

- Что - "Что же"? - чуть растерялся муж. - Ну, Бэйби, он просто был счастлив!

Жена безучастно кивнула головой, что поняла, и протянула мужу пустую чашку.

- А "У золотого тигра" всегда был отличный сыр, - проговорила она. - Помнишь, мы еще ходили туда за день до того случая... Когда стали собираться вместе...

- Да... В тот вечер мы еще поднимались на звонницу.

- Нет, Чапа, ты все путаешь. На звонницу мы поднимались днем раньше. Тогда заходили "У черного вола" и пили Пильсенер. Я хорошо помню.

- Нет-нет, Великопоповицкий козел. А заедали шницелем.

- Чапа, - укоризненно покачала головой она, - это был не шницель, а свиная вырезка.

- Бэйби, ты же знаешь, у меня лучшая память! Вырезку мы ели двадцатого, "у Фанды", вместе с Петром, - он был еще жив...

Она слегка задумалась, но потом, как будто вспомнив, добавила:

- Да-да... С нами еще мои подруги были, Яна и Вероника. Помнишь, Петро все удивлялся, что август, а камин горит...

- Да... Тогда было тепло...

Ненадолго замолчали...

- Ты думаешь, они привезут сегодня?

- Да, Бэйби. - он протянул руку и легонько сжал ей кисть. - Обязательно привезут. "Отто Бок" - это тебе не какая нибудь артель в Пардубице.

- Господи! Такие сумасшедшие деньги!.. Если б не Матей, мы бы ни за что не смогли заказать...

- Зато - полная гарантия, что не сломается. Раз сказали - сегодня, значит - сегодня. А если и не привезут, то куда нам торопиться...

- Тебе легко говорить... Я вся извелась.

- Ну, Бэйби... - он успокаивающе похлопал по руке жену.

- ...

- Завтра, наверно, придут гости...

- Еще бы... Сорок лет...

- Это была его идея... - проговорил муж, задумчиво пригладив седину. - помнишь, какой он был? Как будто бесы в него вселились...

- Кто, Петр? Тогда все были такими. "Свободу Дубчеку! Свободу Смрковскому!"... - передразнила она. - А кто бросал "Коктейль Молотова" на русские танки, не ты?

Муж молча кивнул.

- Я за эти броски очередь в колено получил...

Он отпустил руку жены и помассировал левое колено.

- И потом, я хотел мстить за тебя, Бэйби...

Жена вздохнула.

- Петр был большой выдумщик, - грустно улыбнулась она, - идея - вытаскивать автомобили на шоссе впереди русских танков!.. Это только он мог придумать такое!..

- Да... Но нам всем она понравилась.

- Кто знал, что он так резко рванет...

- Да... Этот русский и не заметил ничего...

- Если б не тот случай, ты бы все равно женился на мне?

- Ты об этом спрашиваешь уже сорок лет, - усмехнулся муж.

- Мне все время кажется, что у тебя комплекс вины.

- Нет, - сказал муж, и голос еле заметно треснул. - Я люблю тебя, Бэйби.

Он перегнулся и звонко чмокнул жену.

В дверь позвонили. Оба вздрогнули.

- Иди, открывай скорее, - с трепетом сказала жена, - а вдруг передумают.

- Хмыкнув, муж тяжело поднялся, и опираясь на трость, пошел к двери...

- Здравствуйте, - весело сказал молодой человек, и ловко поправил фирменную кепку. - Господин Седлак?

- Да.

- Я от представительства фирмы "Отто Бок". Для госпожи Седлак, - он кивнул на стоящий рядом короб, - заказанный протез. Распишетесь вы?..

ОПЕРАЦИЯ

...Я всем рекомендую время от времени делать операцию. Неважно - какую. Главное - уйти за грани - в "Туда", и вернувшись в "Сюда", ощутить жажду жизни и стать добрее, потому, как испытания, душевные или физические, людей

делают тихими и кроткими философами - супротив неугомонности сытых и самодовольных злодеев со здоровым аппендиксом...

Во время операционного чистилища я ощутил себя не просто философом, а даже неким монахом, понявшим, что суетиться совершенно ни к чему, что слова о бренности этого мира, произносимые всеу и невпопад, даже с некоторой ленцой и зевком, приобретают реальные очертания и нависают над ближайшей жизненной перспективой неумолимым, безжалостным и беспристрастным вопрошительным знаком, - как королевская кобра.

Подозреваю, что с возвратом привычного ритма жизни утеряю то, о чем разглагольствовал выше, потихоньку забывая, что всех нас могут везти на каталке в операционную головой вперед, не гарантируя, что вернут в той же последовательности, то бишь - не ногами вперед.

Но помирать, так с музыкой! Это святое. Не писать же под вонючим одеялом прощальные записки, окропляя их жалостливыми слезами?!

...Попрошавшись с родными гагаринским "Поехали!", ты плывешь до безобразия неестественно, вцепившись в край неудобной каталки. Обозревая проплывающий мимо потолок, обнаруживаешь, что на потолках больниц можно увидеть не менее интересные вещи, чем на их стенах. Даже там, где потолку положено сверкать девственной чистотой, - в операционной...

...Я долго лежу на операционном столе, ожидая прихода бригады и начала моей экскурсии в "туда". Вокруг суетится персонал: приносят и уносят что-то, привычно горлопаня и гремя нехитрыми тазиками и склянками. Меня подсоединили к монитору, и он, противно пикая, язвительно и часто - 140 раз в минуту, напоминает, что хоть ты не боишься, а мандражок легкий, этак 130 на 90 все же имеется. Брезгливо отвлекаясь от него, замечаю на потолке очередной рыжий развод, удивительным образом похожий на А.С.Пушкина, как он себя бегло рисовал гусиным пером. - Хотите, покажу вам Пушкина? - спрашиваю симпатичную медсестру-анестезистку.

- К-к-как? - Она явно думает что я - того...

- Не бойтесь, я не свихнулся. Подвиньтесь сюда, поближе. Во-он там, на потолке. Смотрите: вот это - волосы курчавые, это - воротник, а это - бакенбарды...

Сестричка склоняется ко мне и, заворачивая голову, смотрит вместе со мной на А.С. От нее пахнет чистотой и свежестью, и мне подумалось, что это - не самое скверное, что напоследок можно ощутить... Со стороны мы, наверно, смотримся, как голубки, воркующие о счастливом гнезде. Вопрос - где мне его предстоит свить - нелишний, учитывая обстоятельства...

- Ну-сь, что у нас тут? - это подошел веселый анестезиолог. Излишне веселый. Нам бы хмурого, делового, неулыбчивого, чтобы не отвлекался от моего пульса.

- Рассматриваем Пушкина, - отвечает, слегка опе-шив, сестричка.

Анестезиолог Пушкина рассматривать не стал и, сев за моей головой, на время занял место ангела-хранителя.

Пушкин мигнул напоследок, и я растворился в небытие, в некую машину времени, откуда вынырнул через четыре часа: бессильный, немощный, растерянный и открытый всем ветрам - цыпленок...

Вот такие дела...

ВЕНОК СОНЕТОВ

Елена ЧЕРНЯЕВА

к Ё.

1

Планеты той, где властелином - ты,
мне не знакомы пагубные тропы.
Я здесь хочу свои растить цветы,
жить просто и не путать эти строфы

с обычной прозой жизни, где никак
тебя не свяжешь с мылом, мулом, мелом.
Сам по себе - не умный, не дурак,
и тело, как положено быть телу,

красиво, только если хочет жить.
К чему ж опять продергиваю нить
в игольное ушко и за узором

уже не различаю, где начало,
а где конец? Но, черт! Чужого взора
силен обман и полнозвучны чары.

2

Силен обман и полнозвучны чары
проклятой темы, что мешает жить.
И после стольких лет невинного угара
не стоит продолжать весь этот лите-

атурный бред. Ведь лучше - отдавая дань
простому быту, по утрам вставать (ее не слушать!),
думать о насущном, итог: поди, ее - застань,
всегда с сердечной раной, душу.

Но вот ползет в окно другой рассвет,
как будто не было всех этих странных лет,
и мне понятно - проиграла я.

И честно лгу себе, что никогда листы
не замараю рифмой. А душа живая-я
прикована к несчастью простоты.

3

Прикована к несчастью простоты,
живу, как нищенка на пышном пепелище,
пол подметаю впрок и, не полив цветы,
не выхожу из дома, думаю, где стрижку

мне лучше сделать. И стоит, как склеп,
как памятник прижизненный, нелепый,
тех чувств моих нескрытый арте-
факт, исследуемый ощупью и слепо

случайными попутчиками. Жизнь,
смеясь, велела: "просто это... кинь
свой черный ящик после катастрофы

куда подальше". Но грозит пожаром
небрежность с током. И, рифмуя строфы,
с усмешкою сношу ее удары.

4

С усмешкою сношу ее удары,
заигранная страсть - почти пластинка
с отбитым краем, где нельзя гитары
уж отличить от Коэна и свинга,

романс от рока. Проживу как надо,
со страстью, вбитой кем-то в грудь колом
осиновым, забытая менада,
с наивным на груди: "идет на слом".

Не долго уж. Гореть, дружок, не тлеть,
хотя, конечно, страшно эту клеть
мне видеть сломанной, но, ничего - я справлюсь.

не знала, что придется по ножу,
как по проспекту двигать, улыбаясь,
готова выть, но молча прохожу.

5

Готова выть, но молча прохожу.
И, ситуацией вполне владея,
друзья подскажут: что к тебе пишу
и ничего я боле не имею

в виду. Что это - просто сплин
или мечта, или отсутствие достойных
партнеров в жизни, позабудь и кинь.
Или (что лучше) разберись со строем

моей поэтики. Железом по стеклу,
всем словарем по небу, как в траву
упавшим яблоком, готовлюсь, но не верно

рассчитан шаг, хоть логика простая
подсказывала: здесь она, наверно,
готова пасть, но кандалы мешают.

6

Готова пасть, но кандалы мешают,
не до банальностей навроде: без тебя
я - не жилища. И вбивает сваи
в меня, как в землю, логика твоя

железная. Во всем, во всем - опять
искать систему, разбивать на пункты,
писать? Но для кого, кому писать,
слова исхожены, да чувства круты.

Мне остается в мире этот странный гул,
так... то ли море, то ли вечный уло-
чек галдеж, где поколенья

мнут друг за другом пыль, тревожат слух,
и где извозчик-время чинит, напрягая зренья,
лишь старенький, застиранный кожух.

7

лишь старенький, застиранный кожух,
истлевший под рукой, того, кто выше,
да пара бочек, да сорняк, да вслух
пропетый петухом рассвет на крыше,

да, может, в кринке пресная вода,
та, что запоминает наши мысли
и даже чувства. Странная среда,
места такие, где светло и чисто.

Я здесь живу, свою забывчивость кляня,
я здесь живу, но нет уже меня,
а жизнь течет размеренно и скучно.

Показана поэтам жизнь простая,
и пыль, что много дней копила пустошь,
с машинки пишущей рука снимает.

8

С машинки пишущей рука снимает
листок последний, с бледным отпечатком
любви, от коей сердце замирает,
но доказательств нет, и в том загадка.

Что песни, что слова - пустяк, не боле,
мы не случились, не сбылись, не спелись.
А так - какой-то анекдот без соли,
стремление пустое тела к телу.

Но напоследок спрашивай с меня без страха,
кто усомнится в искренности перед плахой?
я отвечаю - да, любовь была.

А ближних я опять поберегу
и, погружаясь в быт, в пустяк, дела,
чертам придать уверенность могу.

9
Чертам придать уверенность могу,
как будто счастья впереди - навалом.
Живу, такого не желала бы врагу,
живу, но только жизни в этом мало.

Душа хотела бы рассыпаться, истлеть,
сорваться камнем вниз и превратиться в камень,
но, хошь-не хошь, приходится ей петь,
как будто кто-то эту душу нанял

в придворные певцы у феодала.
Но если я уже хожу в твоих вассалах,
хоть оглянись на ту, что возле трона

Стоит и пишет за строкой строку.
Любовь всегда, дружочек, вне закона,
Бог даст, столкнемся на своем веку.

10
Бог даст, столкнемся на своем веку.
Какая разница, на празднике иль в будни,
или в пустыне желтой Кара-Кум.
Не трудно встретиться, не ошибиться - трудно.

Но если все-таки когда-нибудь, в обход
привычке старой и друзей заботе,
рискнешь приблизиться к той, что еще живет
здесь, на земле, а не в небесном гроте,

ее словам о тщетности не верь,
слова - словами, а за ними дверь,
простая дверь, не запертый замок...

и даже если прокричу "прощай",
ты прочитаешь правду между строк
и губ моих коснешься невзначай.

11
"И губ моих коснешься невзначай".
Чужие строчки надоевших книжек,
бессмысленный, литературный рай.
Любовь и смерть - раскрутка для престижа.

Количество написанного в тему,
пожалуй, перевесит все тома
энциклопедии. Не потому ль мы немые?
Не потому ль мне хочется сломать

стереотипы. Чтоб тебя понять,
исследовать придется снова пядь
за пядью области тревожной

души твоей. Одна я в этом небе, ты - один,
ни подойти, ни сгинуть невозможно.
Мне кажется, мы здесь века стоим.

12
Мне кажется, мы здесь века стоим.
Изваяны (возможны варианты),
два пепелища с чернотой руин,
отсчитываем, что твои куранты,

последних встреч последнее "прости".
И страшно мне сказать себе, что эта
игра не стоила ни лампы, ни свечи.
Что я ошиблась в исчисление света,

что не сулил мне календарь побед,
что ты был рядом, но лукавил свет,
когда давал понять, что ты - награда.

Теперь хочу... (нет, не хочу, читай!).
Нет, не смогу - не только до заката,
но даже после сотого "прощай"!

13
Но даже после сотого "прощай",
где б ни был ты, где б я ни оказалась,
я буду верить, что бывает рай
и на земле. От дома до вокзала

привычен путь. Я собираю вещи,
беру билет и думаю о том,
что уезжаю от тебя поспешно,
хоть там, где ты - мой настоящий дом.

Пусть не покинет нас лукавый свет,
нас поманивший и на склоне лет
сиявший нам, суливший страсть навеки.

когда-нибудь, разбуженная им,
поднявши перетруженные веки,
я снова припаду к глазам твоим.

14
Я снова припаду к глазам твоим,
я знаю - только это мне доступно,
когда по обе стороны стоим
постельной темы - глухо и преступно.

Ты ничего не хочешь - про любовь:
она смешна, ведь мы с тобой не дети,
но снова теплится на уровне висков
жизнь-побирушка, тайная, как Йети.

Куда бежать? Кого просить помочь?
Когда тебя рисует сука-ночь
в проеме черном стрельчатом окна,

не дотянусь, не перейду черты.
Я пригубила тайного вина,
планеты той, где властелином - ты.

Магистрал

Планеты той, где властелином - ты,
силен обман и полнозвучны чары.
Прикована к несчастью простоты,
с усмешкою сношу ее удары.

Готова выть, но молча прохожу,
готова пасть, но кандалы мешают,
лишь старенький, застиранный кожан
с машинки пишущей рука снимает.

Чертам придать уверенность могу,
Бог даст, столкнемся на своем веку,
и губ моих коснешься невзначай.

Мне кажется, мы здесь века стоим,
но даже после сотого "прощай"
Я снова припаду к глазам твоим.

Сусанна АРМЕНЯН

Ильздовский венок

1
 Завидуя вдвоём зелёной шляпой,
 Смешные струны вывели на след.
 Залюбовался было тихой сапой,
 Но - ах! - личинка сведена на нет.

Смирилась и сдалась, но негасима.
 Лесная тяжесть обретаёт звук.
 Заполненной строкой струится мимо,
 Очерченный не задевая круг.

Зевая, лунный уплывает волос,
 Отчаянно не взятый под крыло.
 Пушинкой перед взглядом пронесло,
 Сиренью серебрится властный голос.

И не сказать нельзя - лети, лети!
 Свернули танки с Млечного Пути.

2
 Свернули танки с Млечного Пути.
 Возьми за локоть, медленно ступая.
 На этот раз за дерзость не сочти,
 Стекланный глаз, страшилка голубая.

Естествоиспытателю конец,
 За кошколюбие - внезапна кара.
 Заиндевелый не запнется чтец,
 От жуткого не отмахнуться дара.

За ширмой, не скрывающей ничто,
 Шуришит фольгой нерыборукий мальчик.
 Двенадцать тысяч двести сорок пачек.
 За что мне? - вопрошаешь... А за то!

Не любопытствуй! Слюнями не капай
 Под клёкот фейерверков, в паре с каппой!

3
 Под клёкот фейерверков, в паре с каппой,
 Кадриль невыносимо хороша,
 Одна лишь просьба - лапками не лапай,
 Глазастыми тенями мельтеша.

Отчаявшись, сомлел правозащитник.
 Теперь бери левее на ладонь.
 Янтарный яд, искрясь, из раны вытек.
 Куском войны себе закажем бронь.

Самим собой себя в себе храня,
 Пиши пропало, пользуйся, любуйся,
 Пока следов цепочка не замкнулась
 Недружественным колосом огня.

Не плачь, но если плачешь - то плати.
 Свои мечты в косички заплети.

4
 Свои мечты в косички заплети.
 Падёшь, едва освоив управление.
 Крылатый демон силится пасти
 Твои стада, и стыд ему сомнение.

Подкладывать под самый нижний лист
 Нетронутое ветром-недотрогой.
 Усиленный храпит артиллерист.
 Я не смогу не стать твоей дорогой.

Собрав в кружок дефисы и тире,
 Прожжет плечо заплата, как заклатье,
 И горным ручейком стекает платье.
 Рвани портьеру, радуясь заре!

В кругу друзей амфибий и утопий
 Так много невостребованных копий...

5
 Так много невостребованных копий,
 Оставишь знак над дверью в коридор.
 Наглеешь, ненагляднее пособий,
 Тореадорнейший тореадор.

Вязальной спицей тронешь вещество,
 И в голове проснется проводница.
 Собачий нюх застанет статус кво,
 Приказ квадрату - в зеркале разбиться.

Обугленный стирается анфас.
 Смеялся на скамейке в тусклом парке.
 На вешалке висит пальто весталки.
 Поёт: "А я смотрю, смотрю на вас!.."

Билет в кармане - утренний паром.
 Истошное заткнули серебром.

6
 Истошное заткнули серебром.
 Скривил надрезом инокоподобный
 И пригвоздил гремучую ребром.
 Смелей по склону скачет камень пробный.

Ширококостную обманут кражей.
 Гудит в тиши комарик пи-мезон.
 Доволен обречённым экипажем.
 Все спят и погружаются в озон.

Под крышей безразмерного пространства
 Кривая ночь заплатит по счетам.
 Запела: "Нынче здесь, а завтра там" -
 Ведь девственность не терпит постоянства.

Гляди полночней в полдень бесподобный,
 Чрево вещатель единоутробный.

7
 Чрево вещатель единоутробный,
 Спросонок глянешь на родной десктоп,
 С рождения учтивый и способный,
 Хотя немного дрянь и мизантроп.

Померкло и смердит, с ресниц скатилось,
 Подобрано проходим непростым.
 В прыжке в кого ты, стерва, превратилась?
 И дым, и дым... И снова дым и дым.

Родился ключ в подвале бытия,
 Твой взмах сакрален, но не благовонен.
 Кричишь: я пас, я очень, очень болен!
 И эхо вторит: да, и я, и я...

Отваги зачерпнёшь простым ведром.
 Добром окупится ли твой купальный бром?

8
 Добром окупится ли твой купальный бром?
 Мигает беспокойно поворотник.
 Седую прядь не описать пером,
 За воротник стекает ржавый плотник.

Завис в усах уволенный стрелок,
 Пикантный котелок за твой кораблик,

Перебродивший затаился сок,
Вблизи центростремительных гидравлик.

Спокойствием отравлены волхвы,
Заказаны вчера букет и столик,
Ноздрей к дорожке тянется историк.
Халвы, халвы! Полцарства для халвы!

Последний блин, рассчитанный на приз,
Величием над звёздами провис.

9
Величием над звёздами провис,
Запуганный конкретикой готовой.
Закроют джинна в банке трехлитровой.
Веретенном, смотри, не уколись.

Зверья, обесточил целый город,
В дырявой майке, но на свой манер.
Прекрасно утолять духовный голод
Секретным планом правильных пещер.

В постели непросохший угомон,
Игривым позвоночником спугнули.
Скрипят ополоумевшие пули
Сквозь прорезиненный аккордеон.

Опять запел он: "...я тебя рисую!".
Спонтанным дымом вовлечённый всеу.

10
Спонтанным дымом вовлечённый всеу,
Пришел и на потом не приберет.
Перегоревшую берёт нагую,
С плеча сорвал - не жалко! - потолок.

Лицо с изнанкой съедены червём,
Не видит горизонта черный компас.
Во внутреннем кармане тлеет робость,
И ты идёшь, и мы идём вдвоём.

Плебейскую тропинку протоптав,
Куда идти эпическим героям?
Топор весны - ура! - давай зароем,
И будем петь, что "love" и "love" и "love".

Но нет, но нет и нет, но не люблю я...
Колись, бери пример, и, в ус не дую.

11
Колись, бери пример, и, в ус не дую,
Красавицей бровастой шевели,
Матрёшкой подзаборной удивлю я.
Перо лучом смотри не опали!

Надежён клей момент и нитка злая,
Заклёпок ряд и крепкие болты.
Но, высоту беспечно набирая,
Забудь, что ты не я, что я не ты.

Сегмент пространства временем зовут,
Осмысленным не только вздох бывает.
Твое существование объясняет
Тот факт, что на таблички занесут.

Щелчок и вспышка. Не "кишмиш", но "чи-и-из".
Запей, взлети, но каждый раз - вернись.

12
Запей, взлети, но каждый раз - вернись.
Тридцатый том так энциклопедичен!
Душа в потёмках влезла на карниз.
Набор причин подчёркнуто привычен.

Неслышно умирают вперемешку
Больные груди книжек записных.
Орёл схватил загаданную решку
И - со скалы на крыльях голубых.

В хряще курином спит потенциал,
Служебный вход забыли обозначить.
Не плачет дед, а колобок кудахчет.
Залит подпольным светом карнавал.

Не будь меня, что было бы со мной?
Прими весну осеннею зимой.

13
Прими весну осеннею зимой.
Как всполох листопадного финала.
Остатки грима мыльной пеной смой.
Ты на кровать, как мёртвая, упала.

Змеилось по улыбке "никогда"
И в горле - отвоёванные слезы.
Субботит четверговая среда,
А ты - предмет, не приносящий пользы.

Как спичка, от которой не зажгли.
Пустой экран, просторная вольера.
Ползёт доисторическая эра
По светлой полосе небес земли.

Недолго мне болтаться, золотой -
Твои тела уже придут за мной.

14
Твои тела уже придут за мной.
Каблук не скрипнет, пальцы не сорвутся.
На ощупь, онемевший и хмельной,
Возьмешь на грудь неведомые блюдца.

Никто нигде и никого не ищет,
И в середине белого холста,
Стесняясь неподъёмной красоты,
Земля легла, безвидна и чиста,

Отныне... Но об этом - ни гу-гу!
Колодец полон выплаканых звёзд.
О чем кричит на перекличке дрозд,
Ильяздовским сонетом пробегу.

Беседуя, бери шинель - и драпай.
Завидую вдвоём зелёной шляпой.

Магистрал

Завидую вдвоём зелёной шляпой,
Свернули танки с Млечного Пути.
Под клёкот фейерверков, в паре с каппой,
Свои мечты в косички заплети.

Так много невостребованных копий,
Истошное заткнули серебром.
Чревоушатель единоутробный,
Добром окупится ли твой купальный бром?

Величием над звёздами провис
Спонтанным дымом вовлечённый всеу,
Колись, бери пример, и, в ус не дую,

Запей, взлети, но каждый раз - вернись.
Прими весну осеннею зимой.
Твои тела уже придут за мной.

ДЕБЮТ**Аркадий МОРОЗОВ****ЗАБЛУДИВШИЙСЯ**

Однажды заблудившийся
В пустыне путник,
Измученный
Жаждой и солнцем,
Увидел вдали оазис
И, умирая, сказал он:
- Спасибо тебе, Боже,
За подаренную надежду.

БЫК

Когда бык
Познал радость смерти
Во имя славы корриды
Когда огонь его глаз
Цвета спелой вишни
Встречался
С кашемировой шалью тореадора
Бык мечтал
Как в его глазах бездонных
Утонет мир красной боли
И счастья
Скоро будут разбросаны вишни
Скоро будут разбросаны розы
И увидит луна
Глубокий след на арене

СКОРО РАССВЕТ

Небесный пахарь
Накрыл светозарной шалью
Призрачное волшебство ночи
Где на мрачном троне
Восседает полумесяц
Скоро рога охотников
Разбудят русалок
Укутанных шепотом ветра
Облаками хмельного меда
С ароматом жасмина

ПАУК

Паук потерялся
В лабиринте шелковой нити
И хвостом обезьяны
Стала нить
Ниспадающая
Распущенными волосами
Русалки
Завис паук
В середине пространства
Ожидая всхрипа ветки
И застыла ель

Укутанная паучьей шубой
Мавзолеем из слез
Коконном из печали

**СТАРЕНЬКИЙ КИТАЕЦ
РИСУЕТ**

Поздняя осень
Ветер
На дереве Солнце сидит одиноко
И взглядом стеклянно-потухшим
Провожает последние листья
А ветер воет
Волчьей а капеллой
И тучи он гонит
Свинцово-тяжелые тучи
А Солнце все смотрит
На лист последний, желтый
Зажатый ветвями прочно
И трепещущий
При страшных
Порывах ветра

ТРАМВАЙ

Трамвай желанья
Отгромыхал вдали
Твои страдания
На подножке уплыли
Сверкают рельсы
Как изумруд
И где-то в Челси
Бабочки поют

МИНУТА В ДЕРЕВНЕ

Я искал атман
Божественное последнее
начало начал
Мир был прекрасен
Если ничего не искать
Сквозь тишину
Перемещались звезды
Изменяя узор
Эфемерно "во вне"
Вращается
Колесо воплощений
Сансару резвящихся птиц
Чувствует август
В сердце моем
Убежище от всего
Замаскируюсь там
И побуду
Наедине с собой

БУРЯ, СКОРО ГРЯНЕТ БУРЯ

Гроздьями спелых черешен
Падают чайки в море
Бригантина с парусами
Из обветшалых крыльев
Прошлогодних стрекоз
Попугай с калейдоскопом перьев
Насвистывает попкорновый шлягер
О сундуке с мертвецом
Русалка с коварной ухмылкой
Всматривается вдали
Глазами цвета
Облупленной краски
Буря
Скоро грянет буря

ПЕРЕЛЕТЫ

Отдрейфовали на юг
Дивизии птиц
Трава
Превратилась в сено
Осыпались давно
Засохшие листья сакуры
Наполнен воздух
Ожиданием холодов
"Как много дел
на завтра"

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

С высоты
Небесных пастбищ
Прокравшись
Медовым серпом
Заглядывает луна
В зеркало воды
Там спрятан всплеск
Давно утонувших камней
Погрузившихся на дно
Тина - это трава глубины
Укрывающая
Темно-зеленым

**САДОВНИК
(Плач Адама)**

В Сингапуре или Суринаме
Девочка в хаки-панаме
В спело-яблочном сарафане
С запахом ладанно-шафранным
На поблекшей мандолине
Наиграет мотив старинный

И затянет фальцетом
 Песенку эту
 Змей мой любовник
 Суженый небом
 Я уйду не плача
 Так надо значит
 Пересчитаешь закато-рассветы
 Станешь зимой или летом
 Прервется твоя серенада
 Значит так надо
 В саду опадут листья
 И ты с ухмылкой лисей
 Станешь осенью поздней
 Безнадежной
 Забаюкаю, укрою
 Сырою землею
 Гады в моем чреве
 Маленькие черви
 Прорастут в каштаны
 И ты в кафе-шантане
 С ухмылкой шайтаньей
 Смахнешь слезу из страза
 Тронешь амулет от сглаза
 И скажешь
 Когда-то мы были вместе
 Как жених и невеста
 Но небеса решили иначе
 Так надо значит
 И заплачешь

* * *

Моя "минута в деревне" - река
 Великим множеством голосов
 Она говорит
 Времени нет
 Я устье я исток я разлив
 я растаявший снег
 Потерявший грацию и белизну
 Овальная пустошь
 Цвета мимозового леса
 Завалена сухими ветвями
 Тенью, накрытой дождем
 Утонет у берега лужи
 Зонтик лопуха
 Найди нирвану
 Распахнув двери
 Не имея цели
 В иллюзорной
 Сюрреальности Бытия

* * *

Когда погаснут звезды
 Станет очень тихо
 Перестанет плести пейзаж
 Старая паучиха
 Когда потухнет солнце
 Останется Земля без одеяла
 Валькирии, выбирающие мертвых,
 Утянут его в Вальхаллу
 Когда погаснут звезды
 Ангел в костюме от Валентино

Пахнувший-ым
 жасмином
 С волосами в бриолине
 Сыграет на саксофоне
 Балладу об Армагеддоне

ПРЯТКИ

Дети играют в прятки
 И не находят друг друга
 Весеннее небо в заплатках
 Заигрывает с солнечным кругом
 Ветер наделавший шалость
 Мечтает о завтрашнем громе
 Дети уже наигрались
 Их не дождутся дома

ПОДКОВА

Далеко далеко на юге
 Улетевшие мыши
 Печаль зима и вьюга
 Их бормотанье слышит
 Среди дождя и снега
 Мокнут серые одежды
 Падают, падают с неба
 Остатками сна и надежды
 Когда рассвет возвещает
 Лучезарные хоралы
 Мышинный король найдет
 Подкову около дома

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Ворон черный
 С шинельным отливом
 Кружит над головой
 Он ждет, когда я умру
 Чтобы выклевать глаза
 Он внутренности распотрошит
 И разбросает вокруг
 И может лишь ежик
 Взвалит на шипы сердце
 Подумав, что это груша

МАЛЕНЬКИЕ ЗМЕИ

Съели душу
 Маленькие змеи
 Не прогрызая кожуры
 Потеряв точильный камень
 Обтачивающий
 Фарфоровые зубки
 Впитав лиловый звон
 Василисковые
 Дети василиска
 Заказывают отходной молебен
 Выбор трех им неважен
 Но они уже знают
 Мир не будет прежним

ГОЛУБЬ

Мертвый голубь
 Смотрит на небо
 Вода из крана
 Это море
 Фотографии в альбоме
 истерлись от счастья
 Мертвый голубь
 Смотрит на небо
 Широко закрытыми глазами
 Ветер тербит крылья

МАЙ

Майский вечер
 На кладбище косою дождь
 Грязь утопает в траве
 Хрустальный янтарь
 Венчает сосновых ежей
 Небо теряет цвет
 От тумана падающей воды
 Тюльпаны и розы
 Поверх развороченной земли
 Наполовину унесены
 И дождь смывает все следы

* * *

По зеленому полю
 Бродит стая бродячих собак
 Скрылась луна
 В лабиринте облаков
 Ветер шумит
 Летают обрывки бумаг
 Ты не идешь
 Я не слышу твоих шагов

Love Story

Пластмассовый Карабас-Барабас
 Стал пантеоном любви
 И водами Ганга,
 И погасла свеча любви,
 И петух, похожий на ковер,
 Впитал своим хоботом
 Историю любви
 Таракана и мухи.

ШАРЫ

Подбросил жонглер шары
 И уронил один
 Укатился он
 В осоковую даль
 Сумерки скрыли
 Уснувших птиц
 В зарослях плюща

КНИГА С ПОЛКИ

"ПОПЫТКА ЧУВСТВА ПЕРЕДАТЬ СЛОВАМИ"

Лирика Елены Джапаридзе

*Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес - моя колыбель, и могила - лес,
Оттого что я на земле стою - лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою - как никто другой.*

Марина Цветаева

Современные околотературные дискуссии о проблематике гендерности в поэзии несколько обесценили и практически полностью отодвинули на задний план такое явление, как "женская" поэзия. А, тем не менее, этот стиль Сафо и Цветаевой гораздо более многолик и богат эмоциональной составляющей, чем представляется критиками. К сожалению, не существует специального термина, называющего поэзию чувств. Слово "лирика" семантически скупо на оттенки значения. Может быть, именно поэтому в XXI веке мы наблюдаем феномен отхода от "вышедших из моды", "неоцифрованных" новыми временами форм и содержания. И попадаем, сами того не ведая, в сети стагнации, ибо и Северянин уже был, и "нет ничего нового под солнцем..." Ничего, кроме новых миров. Внутренних. Срок которых, по сути, ограничен периодом человеческой жизни и опять же не всегда отсвечивает неонем. Но забытая истина - о том, что, меняя маски в творчестве, надлежит оставаться собой, актуальна и в наши дни, когда главный вопрос, возникающий при чтении поэтического (лирического) текста - об искренности автора - а прочувствовал ли он то, что создал, а не искусственно ли встала тут та или иная "рифмочка", пусть не "кровь-любовь", а покружевнее... но какая разница, если она мертва... изначально из стекла и бетона, а не из нервных волокон? Стоит заметить, что подобный оригинал мы подсознательно ищем в любом виде искусства, и, когда поэтические строфы вдруг начинают наливать живой кровью и пульсировать - мы понимаем - вот оно! Такова лирика Елены Джапаридзе, и ее сборник "Десять лет спустя" в частности. Хотя, признаюсь, хочется назвать его заглавной строкой первого стихотворения - "Попытка чувства передать словами", так как она анонсирует все то, что ждет читателя дальше, и называет, собственно, самую суть авторского мировидения:

*Попытка чувства передать словами -
неблагодарнейшее из занятий.*

Любовь в стихах Елены Джапаридзе - не тема. Она - сами стихи, выдержанные в классических канонах романтизма, и, что самое примечательное, - вне времени. Чувствовать так могла бы и современница Лермонтова, и дама эпохи модернизма, и - что реже - наша современница:

*И никому проникнуть не дано
За занавесь души чуждой, таинственной,
А если проникают, то грешно
Узоры выводить на ней забавные
На радость всем, себе лишь на беду.
Любовь - трагична. Вы - ребята славные,
Но все же дальше я одна пойду.*

В то же время поэзия Елены Джапаридзе - это галерея образов. Не маски и не роли, а именно образы; на них в сборнике подразделяется "эго" лирической героини, и они словно ведут между собой диалог. Если откомпилировать стихотворения согласно такому порядку, то можно получить собственно экстракт сборника:

Андрогина:

*Мужчина в женщине,
Иль женщина в мужчине?*

(...)

Всю жизнь покоя не давал

Мне миф об Андрогине...

Вдруг некий голос прозвучал:

-Я - женщина в мужчине!

Колдунья:

А женщине одинокой сказал:

-Ты вовсе не женщина, ты - Колдунья!

Два сердца невидимой нитью связал,

Волшебную нитью, - ты в ночь Новолуния.

А после карета тыквою стала,

И разбежались лошади-мышы.

Пьеро:

...И нежный наш Пьеро, не выдержав, умрет.

Актриса:

Отбросила надежду и тревогу,

Взлетела ввысь -

И поняла, что не дождусь подмоги...

Из-за кулис

На бенефис взирают не коллеги -

Одни враги...

Адресат поэтических посланий в сборнике не конкретизирован фигурой лирического героя, а, скорее, размыт, потому что стихи обращены ко многим, и, в основном, рассчитаны на единомышленников в искусстве. Но, прежде всего, как уже говорилось, это поэзия чувств, не имеющая в себе и толики имажинизма, погруженная в себя и живущая в себе. "Я укуталась в свой декаданс", - роняет автор фразу в стихотворении с эпиграфом из Уайльда. Именно это самопогруженность роднит лирическую героиню Елены Джапаридзе с Серебряным веком. Не с конкретными поэтессами эпохи, а именно с самой эпохой. Для того, чтобы быть ее частью в любых временных координатах, необходимо не думать сообразно ей, а ощущать. Возможно, это не являлось задачей автора, да и может ли в принципе у поэта быть задача? Но свод законов литературоведения учит оценивать не идею, а готовый материал, тело произведения. И в данном случае - это тело теплое и дышащее.

Своеобразный "тест принцессы на горошине", будучи применен к современной лирической поэзии, даст не так много положительных результатов. Но для Елены Джапаридзе он давно пройден - поэт, вне всякого сомнения, настоящий.

Ирена КЕСКЮЛЛЬ

МАСТЕР О.К.

Итоги нескольких практикумов "Молотка"

*а наверху уже темно
там летописец книги судеб
зажиг прохладную свечу
Сухбат Афлатуни*

Наталья ХНКОЯН:

...а стены помнят наши дни,
и первые шаги детей,
и через сотни чьих-то зим
запомнятся до мелочей.

записано все наперед,
не изменить и не прочесть.
нам каждому дан свой черед,
так было, друг мой, и так есть.

...а стены помнят наши дни
и память нашу сохранят.
нас нет давно...лишь только дым...
и чья-то чистая тетрадь...

Инга ЧХЕИДЗЕ:

Мне детство сшили из заплат.
В чужой стране чужие люди.
Прогорклость маленьких зарплат...
С сестрой мы это не забудем.

Пока гоняла нас Москва,
В небесной книге аккуратно
Иные вывели слова...
И вот, я здесь. Как? - Непонятно...

В другой стране с теплом в душе,
С мечтой когда-то стать поэтом...
А все слова в карандаше
Даны мне тем небесным светом.

Марина ЛАМАР:

За овальным столом сидели
И педили-педили время
Почему-то о чем-то пели,
Не поймав настоящей темы.

А потом вспоминали немцев

Дмитрий ЛОСКУТОВ:

К/Т и Т. посв.

Функционально пофиг учреждению
Какой за окнами сегодня строй
Благодаря билета обретению
Здесь место знаешь ты свое и роль

Под красно-белые знамена
Нам подгоняют порожняк
Мы - демос, кратос five колонна
Конечно, если ты - поляк.

кареби икетеба!
Шемдеги садгури - вазэктомиа.

Ирина ДАНЕЛИЯ:

Грязь изнанки площади вокзальной
Черной кровью, кровью ампутаций.
Как привычно стало и банально
хлюпать грязью чьих-то репутаций.

Синева полощется сатином,
отбивает грязных брызг атаки,
боги спят, разинув рты, разини
обступили место мелкой драки.

Копшатся, как в открытой ране,
человечков пляшущих фигурки,
дотлевают тихие окраины
брошенным неряшливо окурком...

Раннее утро, седьмое число,
Окна твои разукрасил мороз,
Ждешь ты как чуда, оно - Рождество,
Даже не зная, насколько - всерьез...
Если бы Истину где-то найти,
Светлой печалью укрыться сполна,
Трепетно в сердце своем донести,
Верую, Господи, сила твоя,
Остановись, помолись...тишина...

Инга ЧХЕИДЗЕ:

МЕЛОДИЯ ВОДЫ

В осеннем поле... рожь,
трава, пшеница...
И тихий ветер... Словно шёпот Бога.
Он будто там, Господь. Его десница
Отнимет боль, но больше даст намного.

Я по колено мокну в этом море,
Стучит прибой колосьев мне по ранам.
Ржаная рябь затмит большое горе
Мелодией воды...

...да, это странно...

А мы сидим цедя вино

А потом вспоминали немцев

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЭКСПРОМТЫ

Наталья ХНКОЯН:

До седьмого - еще полчаса,
Ты задумайся, время не давит,
Оставляя на веру слова,
Ты поймешь, что любовь не оставит.
И вперед за своею звездой
Ты уносишь туманные строчки,
Стрелки тикают в такт - Ро-жде-ство,
Светлый дух все сотрет между прочим.
В Твоем пламени правда горит,
Занесет все январской метелью,
Кто-то песней за нас говорит.
С Рождеством! Полчаса пролетели...
* * *

С их не очень грузинским счетом
Кто-то вспомнил "собачье сердце"
И сыграл старый гимн по нотам.

За окном рисовались тучи,
Заслоняя собою бездну.
Тени мерили край зыбучий.
...кто-то вымолвил : жалко бедных.

Помянули былые годы.
Колбасу, левый свет, копейки.
Кто-то бросил, что нет погоды, -
В Интернете увидел мельком.

После пива, вина и водки
Появилась идея выйти.
Напрягая попсою глотки,
Проявили немного прыти

И умом разбросались снова,
Кто-то вякнул про книгу судеб.
Поскользнулся. Слетело слово.
Что сказал, то сказал - забудем.

Ада ДЖИЛАВДАРОВА:

Свою пишу я книгу,
Вплетаю в строчки вязь -
То летний дождь, то игры,
То луж осенних грязь.

Зимой мне снится лето
И негативы строк,
Весна пропахла бредом
Докучливых сорок

И где-то там, за летом
За камнепадом дней
Заполняются кувшины
Дыханием полей

В них дней моих вершина
И дней моих исток...

Леван ТОДАДЗЕ:

И между строк застывший март
Ловцом моих застывших снов,
Внутри безумствует Декарт
И бритвой - звон моих оков.

Как память скованности - крест,
Душа распята на слова,
Судьба похожа на арест,
Моя квартира, как тюрьма.

И ветер бьет в мое окно
Напоминанием потерь,
В руках исписанный блокнот,
В зрачках - зажатый дикий зверь,

В орбите красных, впавших глаз
Разрушенные города,
Не восприняв чужой приказ,
Я растекаюсь, как вода.

...На тропе войны
у мошкары в орде...
Виктор Цхварадзе

Лица ДЖАЛАГОНИЯ:

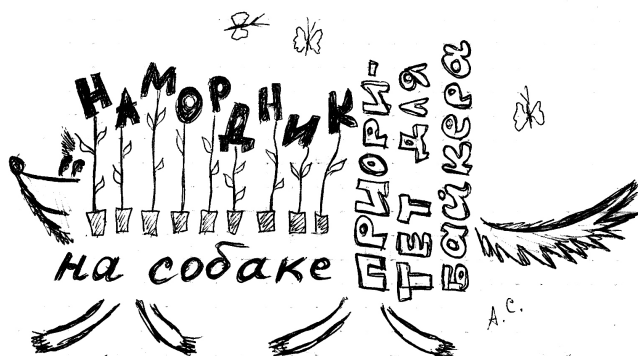
На тропе войны
У мошкары в орде
Закопано ядро в земле,
И розданы по чинам ордена.
Поле битвы стынет,
Вместо ядер люди
Загнивают в недрах
На стальной посуде.

На тропе войны
Мошкаркой назначен,
Мошкаркой убит,
Мошкаркой захвачен.

Георгий МЕЛИКЯН:

На тропе войны у мошкары в орде
Пиноккио нос отпилили,
Нет нужды в душе,
Что на скамейке случайно забыли.

Каналы вен прочертят дорожки
Прямоком в звёздное небо
Соберу мысли в лукошко
Про грядущее тёплое лето.

Александр КЕИНАШВИЛИ:

ТАВТОГРАММА

Сияло солнце самопалом
Сверкая синим серебром
Сова скучала с соболями
С сарказмом смешан самогон

Состарились седые сливы
Сны сморщились сетями сот
Сафари скинув с сапогами
Сидел собакой самолёт

Снега сокрыли состраданье
Солому смачно сплюнул слон
Саями съели серафимы
Стоял согбенно Соломон

Стоял согбенно Соломон
Серебрянные струны сдвинул
Содом с Саратовом смели
Сушёный сом страдая сгинул

Ада ДЖИЛАВДАРОВА:

*Намордник на собаке -
приоритет для байкера.
А.Дж.*

Свинчу пробки
С горлышек воспоминаний,
Вьпью водки из стопки,
Заражаясь предвесеннею манией.

Птички покуролесят
На задворках сознания,
Душу мне взвезят,
Лишая звенящего покаяния.

А я улыбкой оскалнись,
Ослеплю мироздание,
Покаюсь и покривляюсь,
Луну запью валлием.

А что ж поделать-
Черти бесятся,
И не стоит ждать,
Что они когда-нибудь перебесятся.

Покиваю им черепом,
Слегка обмелевшим,
Морщинами меченным,
С голосом севшим.

Матроска, трубка мира,
Веселый Роджер,
бочка морса
Бикфордов шнур
и фунт тротила
Залив Бенгальский
свежим купоросом
Купирует орда
шипучее сухое
Клоповник черных луж
под стройною лозою.

Из новых переводов

Лаша МУРВАНИДЗЕ

ЛУНА

(быль)

Был теплый апрельский день. Солнце добилось своего - золотыми лучами сломило холод упрямой снежной зимы. Зимы, которая и в марте не пожалела снежинок, широких, как листья чинара, мягких, как вата... и укрыла ими рощи и горы Гурии.

Природа начала просыпаться, поля покрылись фиалками и множеством других первоцветов, весело зачирикали птицы. Нежно подул тихий ветерок, и в воздухе закружились пьянящие весенние запахи.

В такой вот чудесный весенний день на окраине одной гурийской деревни рыжая лошадь произвела на свет жеребенка.

Моей радости не было предела, когда наш сосед, фермер, сообщил мне эту новость. Взбудораженный, я быстро вскочил на свою лошадь (чья масть отдавала кизилковым) и поскакал - мне не терпелось посмотреть на малыша. По дороге я думал о том, какой он, как же его назвать и как долго будут тянуться три года его взросления, когда мне наконец-то можно будет запрыгнуть на своего жеребенка и помчаться, как ветер.

Занятый этими мыслями, я и не заметил, как очутился в роще. А вот и мой жеребенок!.. Я спрыгнул с лошади и быстрым шагом направился к нему. Малыш резво бегал по зеленому полю, держась рядом со своей ласковой мамой, и с большим любопытством наблюдал за мной. Увиденное превысило все мои ожидания.

Густая черная грива украшала длинную шею. С шеи и спины серая масть плавно переходила в более светлую на бока, а точеные белые голени создавали удивительный эффект.

Но самым красивым в нем было широкое белое пятно - "никори" - на лбу, до самых ноздрей - и такое же белое сердце, красующееся на груди. Это юное создание было совершенно.

Околдованный таким сочетанием цветов, я задумался. Он был прекрасен, как... как полная луна весной... и я назвал его "Луна".

Я с нетерпением ждал воскресенья, клал в сумку еду на весь день и с утра направлялся навещать Луну. Каждый раз он удивлялся моему появлению, будто не помнил, что мы виделись только на прошлой неделе. Он издавал испуганное ржание и жался к матери. Потом становился перед ней с тихим ржанием, будто жаловался, а она успокаивала его тихим фырканьем... Тогда непоседа снова начинал резвиться, останавливаясь время от времени, чтобы пощипать зеленую травку.

Так проходили месяцы, мой Луна подрастал. Он уже привык ко мне, и между нами, казалось, появилось что-то вроде намека на приязнь...

Настала осень. Легкий осенний ветер шелестел листьями, покрывшими землю красно-желтым ковром, распространяя вокруг запах спелости. Была середина октября, когда вдруг колесо фортуны повернулось для Луны вспять. Река, вздувшаяся после сильного дождя,

размыла берега, поток уносил даже деревья. Река только-только успокоилась, когда ее стал переходить вброд табун. Среди лошадей была и мать Луны. Именно в этом месте дно тайло невидимую опасность - бесновавшееся вчера течение смыло в деревне часть проволочного забора, и его принесло сюда. Мать Луны запуталась в затаившейся в иле проволочной ловушке. Луна в страхе и растерянности метался из стороны в сторону, пронзительно ржал, не зная, как помочь матери. Но, несмотря на множество попыток освободиться, несчастная лошадь не смогла выбраться из воды и захлебнулась. Луна остался без материнского тепла, заботы и ласки.

Услышав, что произошло, я помчался к своему жеребенку. Я увидел табун. Лошади спокойно паслись, пощипывая траву, тронутую легким морозцем. Луны среди них не было, и я отправился искать его у реки. Я не ошибся - Луна неподвижно стоял на берегу, у самого брода, и, казалось, высматривал что-то в быстром течении. Он был так увлечен своим занятием, что заметил меня, только когда я был уже совсем рядом. Вздрогнув, Луна прыгнул в сторону, испуганно заржал, поскакал в рощу и вскоре скрылся меж молодых деревьев.

С этих пор мой жеребенок изменился - он больше не подпускал меня к себе, хотя я продолжал, как и раньше, навещать его. Мне казалось, что он хочет дать мне понять, что есть и моя вина в том, что произошло с его матерью - возможно, из-за того, что меня не было рядом, и я не смог предотвратить беду... Я издали наблюдал за тем, как осиротевший Луна рос и день ото дня становился все красивее, как развевалась во время бега его длинная черная грива...

Так прошла золотая осень, за ней белая зима, зеленая весна, и вот наступило жаркое лето.

Мы с отцом шли под обжигающим июньским солнцем - в лес, за дровами. Дорога проходила мимо той рощицы, где, как я надеялся, я увижу Луну. Действительно, поравнявшись с рощей, мы его увидели - Луна стоял, спокойно пощипывая зеленую травку. Заметив нас, он оторвался от травы, высоко вскинул голову и вдруг помчался куда-то, почти скрылся из виду... Потом таким же галопом вернулся, приблизился к нам шагов на двадцать, с громким ржаньем встал на дыбы - и снова сорвался с места. Мы остановились и с удивлением наблюдали за ним. А Луна метался - то от нас, то к нам. Отец, глядя на него, закурил, а затем сказал: "Если мы сейчас его не усмирим, он никогда не позволит надеть на себя уздечку." Но я стал упрашивать отца подождать, ведь Луна был еще совсем маленьким - чуть больше года. Отец кивнул, и мы продолжили свой путь.

Но вот прошли три долгих года, заполненных мечтами о том, как Луна станет моим конем. Наступил день, когда Луна уже стал достаточно взрослым, чтобы его можно было объездить. Мне в этом деле должны были помогать друзья и еще несколько фермеров, с которыми мы договорились заранее. Подковы, веревки и все необходимое уже было приготовлено.

Утром мы пошли к роще, где встретились с фермерами. Там же, на зеленой лужайке, мы подняли тост гурийской чачей - за это благословенное утро и во славу Евангелию. Затем обговорили все детали предстоящего дела, условились, кто за что отвечает, и направились

к табуна - кто пешком, кто верхом. Лошади, увидев нас, подняли головы и стали следить. Луна же будто догадался, что нам нужен именно он - громко заржав, бросился прочь от табуна. Мы преследовали его несколько часов, но никак не могли нагнать. В конце концов он оказался у того самого брода, где погибла его мать. Луна остановился, стал нюхать берег и взволнованно фыркать - это место напоминало ему о давней трагедии. И тут он сделал то, чего мы от него никак не ожидали. Издав пронзительное ржание, Луна повернул назад, галопом проскакал по полю, затем свернул к реке и перепрыгнул через поток, будто это ему ничего не стоило.

Мы не стали его преследовать - наши лошади слишком устали. Гордый своей выходкой, Луна носился по тому берегу, как дикий техасский мустанг, время от времени останавливаясь и, как бы насмехаясь над нами, со ржанием становился на дыбы. Мы решили, что просто гнаться за ним не имеет смысла, нужно было прибегнуть к какой-нибудь хитрости. А ее еще предстояло придумать. Мы вернулись домой. Но я всю ночь не мог заснуть: предчувствие, что нам будет трудно обуздать нрав Луны, не давало мне покоя.

На следующий день нам повезло - удалось обойти табун и незаметно окружить его. Увидев нас, Луна опять хотел ускакать, но на его пути оказался один из фермеров. Метнувшись прочь от него, Луна не заметил второго фермера, который и накинул ему на шею петлю. Почувствовав обвившую его шею веревку, Луна встал на дыбы. Он и не думал подчиняться, даже пытался перекусить веревку, возмущенно ржал и рвался на свободу. С трудом нам удалось его стреножить, чтобы отвести в загон для скота. Мы вели его по проселочной дороге, и я вновь стал мысленно предвкушать, как оседлаю этого прекрасного коня и усмирю его нрав, как крепко буду держаться в седле, так, чтобы он понял, что сбросить меня не удастся, и оставит тщетные попытки. А потом я бы встал перед укрошенным конем, посмотрел бы ему в глаза и спросил: "Ну что, Луна, кто из нас теперь победитель?" Мне казалось, Луна действительно готов смириться с судьбой, он даже выглядел немного спокойнее. Он еще упрямылся, но давал вести себя.

Однако мои размышления были прерваны пронзительным ржанием. На одном из поворотов дороги Луна рванулся из сдерживающих его веревок, а в следующее мгновение тяжело упал, ударившись головой о камень. Мы не успели ничего предпринять. Луна погиб на наших глазах, удар пришелся в висок. Возможно ли, что он сделал это намеренно, не желая расставаться со свободой?

Горькие слезы потекли у меня из глаз, я что-то кричал, кажется: "Господи, нет! Господи, почему?!" Я сел на землю рядом с Луной и заплакал о злой судьбе, которая оставила Луну без матери и отдала от меня. Я плакал о Луне, о своей разбитой мечте, о том, как безжалостна бывает жизнь.

Этот конь был необыкновенным. Это был мой конь, но он не хотел терять свободу и предпочел смерть.

Так я остался без Луны.

Но Луна остался свободным.

Звиад РАТИАНИ

БРЕЮСЬ

И - собственному отражению:

Страх твой напрасен.

Лица своего

Никогда не узнаю в твоём.

А капелька крови,

Постепенно

Набухающая в мыльной пене,

Никогда нас с тобой не свяжет,

Страх твой напрасен.

Да, напрасен твой страх:

Вовеки не преодолеть

Этой прохладной преграды,

Не дотянуться,

Не вживить себя в твою память.

Но - никогда не замечу твой промах -

Тот смущенный взгляд, за миг до улыбки.

И - страх твой напрасен -

Нам с тобой

Не состариться вместе.

Перевод Сусанны Арменян

ЖИВУЩИЙ В КАМНЯХ

Мне все уже ясно,

Ведь и сам подобными мудростями

Тешил душу свою, но растянулось

Время собирать камни - я правильно изъясняюсь?

Да, именно так,

Это время

Бесконечно, бесстыдно продлилось:

И собраны все булыжники, вплоть до песчинки,

И выстроились неприступной оградой

Вкруг меня,

И выросли до небес.

И пусть наступит время разбрасывать камни,

Но мне не перебросить даже легкого камешка

через нее.

Я боюсь шелохнуться - чтоб не осыпались

Собираемые годами глаголющие валуны,

Не придавила б меня лавина. Сижу окаменевший.

Я живу созерцанием каждого камня.

Некоторые мне уже полюбились,

Но не отважусь признаться.

Перевод Натальи Хнкоян

Перевод Ады Джилавдаровой

ИЗ РУК ВОИ...

Женя ШНУРКО СИЖУ И ЖДУ

А я вот сижу и всё жду. Обувь, бывает, подходит. Ноге в ней удобно. Обувь - это лицо ступни, это ее фейс, он ей подходит. Придает стиль, меняет форму голени, укрепляет мускулатуру, исправляет походку... Но когда обувь жмёт - то нет ничего невыносимее. И сердцу от этого бывает больно. И еще множество неудобств доставляет неподходящая обувь. Если она, к тому же, не начищена. И если отходит подошва. Всё это вызывает боль, ущемление и оскорбление достоинства. А я всё сижу и жду... Мне и ходить некуда. И вообще, обувь у меня одна - выходная. Но она не соответствует моему внутреннему состоянию на данный момент. Просто у меня нет другой, более подходящей обуви, удобной, от которой и шаг свободнее, и ступаешь увереннее, и все свои физические навыки легко и свободно проявляешь. Такая обувь не сковывает тебя ни в обращении, ни во времени. В ней ты можешь перемещаться с максимально присущей тебе скоростью, ловкостью и гибкостью. Гибкость мысли - она как-то зависит от удобства нахождения в теле. И вот ты проносишься по улицам, время течет медленно, и, возможно, тебе на данный момент этого не надо, но ноги бегут, и ты опять опережаешь события... Вот уже который раз опережаешь. А ведь не стоит... Видимо, я потому и жду, чтобы не опережать время. Это чувство очень странное, но привычное - останавливаешь себя и ждешь, когда ты выйдешь и отправишься туда легким шагом, со скоростью, соответствующей твоему темпераменту. Ведь ты всё равно будешь знать то, о чём многие узнали раньше, но не сможешь опоздать, поскольку ты придешь своевременно и сделаешь выводы буквально через минуту после того, как тебе станет доступной информация. Но что с того? Информация тебе не нужна, это не твоё и это не для тебя, ибо использовать и применить не сможешь. Но поражает способность моментально вникать в ситуацию. Иногда эта способность мешает. Предугадываю последствия не всегда в свою пользу, вернее, почти всегда не в свою. Это уже начинает нравиться, но думать об этом - утопия и философия. Как аутотренинг - пока думаешь, не спешишь с действием. И вот я сижу и жду.

Аркадий СУМОЧКИН МИССИЯ УЖАСНА

Как низко пали люди! Все думают только о сексе. Или о наркотиках. Или о рок-н-ролле. Никто не думает о том, как низко пали люди. А это очень важный вопрос. И не просто потому, что люди пали низко. А еще и потому, что они так низко пали, что никто не задумывается об этом сегодня. Но я решил задуматься. И мне кажется, что и вам необходимо срочно задуматься об этом. Сейчас я расскажу историю о человеке, который задумался о том, как низко пали люди.

Я шел под дождем по неприветливым улицам столицы. Такси проезжали мимо, зазывно сигналили, но я шел, гордо подняв голову, прямо к автобусной остановке. Мне не нужно было такси. Я жил недалеко от автобусной остановки. Сегодня мне не удалось выспаться. И завтра не удастся. Кофе утром был ужасный, я сам его готовил и поэтому знаю. Мой мобильный звонил не переставая, но я принципиально не брал трубку. Пусть звонят на домашний. Когда я дома. Зачем беспокоить меня, когда я иду к автобусной остановке? Я поднял взгляд к тучам, затянувшим небо. Почему же люди пали так низко? - думал я, продолжая идти к автобусной остановке.

Вчера я бродил под дождем и думал почти о том же самом. Вчера я так и не дошел до автобусной остановки. Неведомая сила заставила меня повернуть и вернуться домой. Домашний телефон звонил не переставая, несмотря на то, что я его отключил еще неделю назад. Это все потому, что люди так низко пали.

Я и сегодня не дошел до автобусной остановки. Я упал на колени и вопрошал: почему люди пали так низко? Дождь стекал по моему лицу, смешиваясь со слезами. Я пошел домой. Мне захотелось еще кофе, хотя я готовлю ужасный кофе. Я сам его готовлю, и поэтому знаю точно, что он ужасный.

Я подошел к дверям своей квартиры, встал с колен и постучал. За дверью звонил телефон. Я удивился, ведь я его давно отключил. Открывая дверь ключом, который я достал из кармана и вставил в замочную скважину, я надавил на дверь бедром, и она открылась внутрь.

Я вошел в квартиру, и понял, что меня уже давно не было дома - с самого утра. Я разделся и пошел в ванную, чтобы еще раз спокойно подумать о том, как низко пали люди. Мне было жаль себя. Ведь все вокруг думают только о сексе. Или о наркотиках. Или о рок-н-ролле. А мне приходится думать о том, как низко пали люди.

В дверь постучали. Я вышел из ванной и открыл дверь. Дверь открылась внутрь. На пороге стояла моя знакомая, милостивая блондинка с глубокими, как колодцы, глазами. Пока я смотрел в ее глаза, она вошла и уселась за стол, достала сигареты, закурила одну, вторую... И даже не предложила мне. Я все смотрел в ее глаза. Я думал: неужели люди так низко пали? Но я не находил ответа.

Моя знакомая сразу изложила суть дела. Я упал на колени и воскликнул. Она воскликнула в ответ, закурила еще одну сигарету и ушла, хлопнув дверью. Я подошел к двери и побледнел. Мне предстояла ужасная миссия.

Я вышел на улицу и пошел к автобусной остановке. На этот раз я до нее дошел. Подошел автобус. Я поднялся и стал ждать, когда появятся контролеры, потому что билет надо брать, если видишь контролера, поднимающегося в автобус. Иначе билет брать нельзя, даже если очень хочется. Контролер так и не появился, и я не знал, что делать. Я упал на колени и поднял лицо, залитое дождем и слезами. Они там смешивались. Мне снова захотелось кофе, хотя я готовлю ужасный кофе (сам готовлю, поэтому знаю).

Я вышел из автобуса и упал на колени. Мне надо было подумать. Я решил больше не думать. Я пошел прочь от автобусной остановки. Люди, завидя меня, сразу падали так низко, что меня даже стало немножко подташнивать. Я понял, что и сегодня выспаться как следует не удастся.

Неожиданно зазвонил телефон. Я был удивлен.

© Периодическое издание "Ассоциации литераторов - АБГ" и лито "МОЛОТ О.К." (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
Эл. почта: abgl@yandex.ru

Издается на средства редколлегии

Курс акций редколлегии не всегда зависит от конвертируемости авторов.

Редакционная коллегия:

Сусанна Арменян,
Ада Джилаварова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.